

Ж Клуб
Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 1

**Восприятие
современной России
за рубежом**

Москва 2001

УДК 304.4
ББК 87.60
Н62

Президент Никитского клуба — **Сергей Капица**
Председатель Попечительского Совета — **Александр Захаров**
Исполнительный директор — **Наталья Румянцева**
телефон 705-96-73
факс 234-48-40
Редактор выпуска — **Дмитрий Мурзин**

ISBN 5-8341-0016-3

© ММББ, 2001 г.
© Никитский клуб, 2001 г.

Никитский клуб

клуб ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ заявил о своей публичной деятельности в марте 2000 года, в июне того же года получил юридический статус. Название «Никитский», с одной стороны, связано с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской межбанковской валютной биржи, оказавшей неоценимую поддержку в создании Клуба и организации его встреч, находится в непосредственной близости к месту расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVI веке боярином Никитой Романовичем Юрьевым — отцом патриарха Филарета. В районе Никитских улиц Москвы, получивших свое название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди России: князья Юсуповы, графы Толстые, А.В. Суворов, В.И. Вернадский, П.И. Чайковский, представители крупного московского купечества, промышленники, фабриканты. Сохранились памятники архитектуры, авторами которых были Терский, Рябушинский, Жилярди. На Никитском бульваре (в здании Музея Востока) в XIX веке размещался сначала Коммерческий, затем Государственный Банк России. В этом районе по сей день находятся научные, культурные учреждения, формируется современный деловой центр.

ДЕКЛАРАЦИЯ Никитского клуба

Никитский клуб — это частная инициатива ученых и предпринимателей, обеспокоенных судьбой российского общества и государства. Это попытка объединить интеллектуальные силы России, сделать их активным ресурсом развития страны. Это стремление вовлечь в серьезный диалог по важнейшим для России проблемам ученых, политиков, деловых людей и всех представителей общественности, заинтересованных в радикальном снижении экономических и социальных издержек, необходимых преобразований в стране.

Миссия Никитского клуба

Мы видим свою миссию в том, чтобы консолидировать интеллектуальные ресурсы, преодолеть их не востребованность, предъявить обществу и предложить пути их эффективного использования.

В условиях системной трансформации власть, как правило, вынуждена действовать не столько по глубоко продуманному плану, сколько по обстоятельствам. Вопросы стратегии и глобальное видение проблем остаются вне поля зрения. Между тем, ошибки будущего рождаются в настоящем. Стратегия — попытка предвидеть будущее, чтобы избежать ошибок в настоящем.

Наша гражданская инициатива состоит в том, чтобы общими усилиями научных, политических и предпринимательских кругов помочь обществу осознать себя и сформулировать стратегию развития страны.

Цели Никитского клуба

- *консолидация* вокруг Клуба ответственных профессионалов;
- *создание* форума для обмена мнениями по важнейшим вопросам жизни общества;
- *содействие*:
 - формированию культуры независимых экспертных оценок и исследований;
 - формированию культуры глобального мышления;

- формированию идеологии преемственности, социального партнерства, ответственности;
- осознанию и формулированию интересов России и вытекающей из них политики в различных сферах жизни;
- просвещению общества в сфере глобальных тенденций развития цивилизации.

Задачи Никитского клуба

- создание авторитетной независимой организации, формулирующей возможные приоритеты развития страны;
- влияние на формирование текущей политики в различных областях жизни посредством непредвзятого и независимого анализа ситуации или проблемы.

Методологические принципы

В основу работы Никитского клуба положены методологические принципы Римского клуба:

- междисциплинарный подход к современным проблемам страны и человечества;
- глобальная перспектива при исследовании проблем и ситуаций;
- сосредоточение на долгосрочных и комплексных проблемах.

Формы работы

Клуб будет использовать в своей работе все формы общения, обеспечивающие свободную, квалифицированную и авторитетную дискуссию:

- независимые исследования и доклады;
- круглые столы, конференции;
- СМИ, в том числе создание центра информации по глобальным и стратегическим проблемам в электронной сети (базы данных, исследований, научных публикаций и т.д.).

18 апреля 2000 г. Никитский клуб открыл серию публичных дискуссий под общим названием «Россия в глобальном контексте», касающихся важнейших проблем России в их сопряженности с общемировыми проблемами. Тему первой дискуссии — «Восприятие современной России за рубежом» — продиктовала сама жизнь. Все чаще наши успехи и неудачи во внешней политике связаны, помимо всего прочего, с недооценкой доминирующих на Западе мнений в отношении России, влияющих на формирование политики иностранных правительств и деловых кругов. Восприятие иных культур — и без того процесс трудный. А применительно к России эти трудности усугубляются политическим и экономическим кризисом, потерей или сменой ценностных ориентиров. В этом ценностном вакууме возникли комплексы заискивания и попрошайничества, обреченности и бесперспективности, замешанные на ностальгии по прежнему величию. На этом основании нельзя строить будущее. Возрождение чувства достоинства, уважения к самим себе, формирование подлинной политической культуры во взаимоотношениях с другими странами должны стать предметом осознанной политики властей.

Большую роль здесь играет пресса, которая многие годы ориентируется на показ нашей тотальной несостоятельности, демонстрируя «журналистику обреченности».

Наконец, принципиальным вопросом восприятия образа России за рубежом становятся четко сформулированные приоритеты национальных интересов. Вступив во внешний мир беспрецедентно открытыми, нам следует от эйфории обретенной свободы перейти к осознанию сложности окружающего мира и ответственности в нем за свою страну.

Круглый стол

«Восприятие современной России за рубежом»

Москва, 18 апреля 2000 года

Участники круглого стола:

- Абросимова Елена Антоновна**,
доцент юридического факультета МГУ
- Автономов Владимир Сергеевич**, заведующий отделом ИМЭМО
- Автономова Наталия Сергеевна**,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН
- Барановский Владимир Григорьевич**,
заместитель директора ИМЭМО
- Белянова Елена Владиславовна**, директор Московского отделения
Нидерландского экономического института
- Воскресенский Алексей Дмитриевич**, заведующий кафедрой
востоковедения МГИМО — Университета МИД РФ
- Григорьев Леонид Маркович**, Генеральный директор Фонда
«Бюро экономического анализа»
- Делягин Михаил Геннадьевич**,
директор Института проблем глобализации
- Захаров Александр Владимирович**,
Генеральный директор ММВБ
- Каковкин Григорий Владимирович**, компания «Русские горки»
- Капица Сергей Петрович**, Президент Никитского клуба,
член Римского клуба
- Клейнер Георгий Борисович**, заместитель директора ЦЭМИ РАН
- Коротков Андрей Викентьевич**,
Руководитель Департамента Правительственной информации
- Лубенченко Константин Дмитриевич**, министр Правительства
- Мирский Георгий Ильич**, главный исследователь ИМЭМО
- Мясников Владимир Степанович**,
заместитель директора Института стран Дальнего Востока
- Тамбовцев Валерий Леонидович**,
профессор экономического факультета МГУ
- Шанин Теодор**, ректор Московской высшей школы
социальных и экономических наук
- Энтов Револьд Михайлович**, заведующий кафедрой ВШЭ,
заведующий сектором ИМЭМО
- Ясин Евгений Григорьевич**,
директор НБФ «Экспертный институт»

Круглый стол вел **Капица С.П.**

С.П. Капица

Я рад приветствовать всех присутствующих в зале!

Основной смысл заданной нами темы обсуждений состоит в том, что в нашу эпоху — это даже не нуждается в специальном обосновании — необходима выработка идеологий, идей. Необходимо понять, что происходит внутри страны и в мире. Актуальность этой задачи можно оценить как остро поставленный социальный заказ. В ответ на этот заказ инициативная группа решила организовать сообщество, названное по географической привязке «Никитским клубом». На Никитских улицах размещаются МГУ, Консерватория, здесь жили известные деятели русской культуры: князья Юсуповы, графы Толстые, полководец А.В. Суворов. Здесь работал В.И. Вернадский, творил П.И. Чайковский и многие другие известные личности, к которым мы относимся с величайшим уважением.

Наконец, здесь расположено здание Московской межбанковской валютной биржи, дирекция которой любезно приняла клуб на территории биржи, а ее генеральный директор Александр Владимирович Захаров возглавил Попечительский Совет Клуба.

Исторический аспект отражает намерения нашего Клуба, смысл которых состоит в том, чтобы постараться в свободном поиске осмыслить действительность на достаточно большом временном периоде.

Это существенное для нас соображение: мы не считаем нужным говорить о том, что имеет короткий политический, тактический, сегодняшний смысл. Необходимо постараться заглянуть за горизонт событий в той степени, в какой это возможно, чтобы сохранить связь с действительностью.

Надо сказать, что традиция таких исследований, таких дискуссий существует давно. Во второй половине XX века приобрел известность Римский клуб. Как член Римского клуба я знаю методы его работы, и когда мне было предложено участвовать в создании Никитского клуба, я согласился с тем, что здесь следует опираться на опыт Римского клуба. История его началась в 1968 году и связана она с именем крупного промышленника, создателя ФИАТа как транснациональной корпорации Аурелио Печчеи. Это предприниматель, который очень много сделал также для создания ВАЗа в нашей стране. Он понимал необходимость сотрудничества в области автомобильной промышленности на международной основе. Тогда это было очень внове для нашей промышленности, но это было сделано, и этим мы обязаны рывку в развитии автомобилестроения в нашей стране.

Я напоминаю об этом, как о некоторых вехах истории, потому что мотивы, которые руководят нами, наверное, схожи: понять, куда движется мир, какие крупные факторы определяют развитие истории? Понять, а потом уж стараться влиять или вести себя с учетом этих факторов. Потому что без такого анализа никакое серьезное руководство и ответственное отношение к действительности невозможно. Многие потери нашего времени состоят в отсутствии целостного взгляда на мир, как говорят немцы, «вельганшаунга» (*Weltanschauung* (нем.) — мировоззрение). Кстати, неудивительно, что понятия «мировоззрения» и «вельганшаунга» существуют и в русском, и в немецком языках, но в английском вы его не найдете. Американцы тоже используют слово «*weltanschauung*», когда хотят выразить подобное понятие. У них нет традиции таких исследований, что связано с коротким горизонтом мышления, когда анализ превалирует над синтезом.

Я напомним об одном важном опыте Римского клуба. Он основан на том, что кандидаты в члены Клуба предоставляли свои монографии, другие свои работы. Это называлось «докладами Римскому клубу». Они рассматривались Клубом и после того, как были им одобрены и приняты, становились фактом общественного сознания.

Первым таким опытом был доклад Денниса Л. Медоуза «Пределы роста», представленный в 1972 г. Это была развернутая попытка математического моделирования мирового развития. Она подверглась очень глубокой критике уже в момент своего появления. Но даже эта попытка, которая, как мы теперь видим, была методически ограниченной, оказалась, тем не менее, очень существенной, потому что привлекла внимание и сформулировала наличие мировых глобальных проблем.

Через 25 лет после появления этого доклада та же группа написала второй доклад, но он не был принят Римским клубом. Так что даже те, кто начинал это дело, были отвергнуты на более поздней его стадии. Это поучительно как для судьбы первого доклада, о котором так много известно, так и для Римского клуба в целом. Ныне, пройдя через некоторую стадию затмения, Клуб вновь встает на ноги именно в силу того, что есть потребность в такого рода аналитической деятельности.

Вы знаете, что одним из первых шагов нового Президента было создание Центра стратегических разработок, который должен обслуживать новую администрацию. То есть потребность в долговременном взгляде оказывается очень существенной. Это та задача, которую в той или иной степени мы будем ставить перед собой. Вот главное, что мне хотелось сказать о принципах работы нашего сообщества. Я думаю, что они будут вырабатываться постепенно. Значение же нашей деятельности определится его интеллектуальной продукцией и влиянием на общественное сознание. Будущее покажет, состоимся ли мы, удастся ли реализовать самое ценное, что мы имеем, — опыт и знания наших участников.

Сегодня мы обозначили проблему: восприятие современной России за рубежом. Эта проблема имеет разные измерения. С одной стороны, очень конкретное, если подумать, как воспринимается Россия в связи с чеченской кампанией. С другой стороны, вы знаете, что оно имеет и ретроспективу: влияние Советского Союза, России прошлой на Россию настоящую.

То, как нас воспринимают в мире, во многом определяется тем, как мы сами воспринимаем себя. Надо сказать, что в настоящее время в отношении России существуют самые разные мнения — многие с отрицательным знаком, что делает очень трудным определение нашего образа в собственных глазах.

Мы находимся в смятении. Это можно выразить простой моделью, которая имеет образно-физический смысл. До больших перемен в 90-х годах наше общество было «закрытым». Но оно разогревалось процессами роста, внутри возникло все возрастающее давление. Затем сняли крышку — произошло бурное вскипание общественных страстей. Кипение продолжается до сих пор, и поэтому в таком состоянии очень трудно понять, что мы думаем о себе сами, и еще сложнее понять, как наш образ воспринимается другими.

Я не хочу предугадывать итоги нашей дискуссии. Я бы сказал, с чисто прагматической точки зрения, нам действительно важно оглянуться на себя. Уверен, в процессе такого обсуждения это станет еще очевиднее, с учетом таких связанных с образом России практических задач, как наша внешняя пропаганда и влияние на окружающий нас мир. В этом отношении факторы культуры, науки и искусства приобретают все большее политическое значение, и значение для делового мира.

Сейчас я хотел бы предоставить слово Генеральному директору ММВБ Александру Владимировичу Захарову, а затем мы перейдем к нашей повестке дня.

А.В. Захаров

Уважаемые коллеги! Позвольте приветствовать вас от лица организации, которую я представляю, и поблагодарить за то, что вы нашли время и проявили интерес к обсуждаемой теме. Я думаю, все согласятся, что эта тема актуальна, в настоящее время в ней есть вполне понятный прагматический смысл.

Мы видим, как непросто выстраиваются вновь деловые отношения с Западом, которые в значительной мере были нарушены в августе 1998 года. Мы видим, с каким вниманием сейчас относятся на Западе к программным выступлениям, высказываниям, мерам наших властей.

Я могу поделиться свежими впечатлениями, которые вынес из общения в Нью-Йорке с представителями западных деловых кругов, профессорами Колумбийского и Гарвардского университетов во время одной из последних конференций специалистов, занимающихся российской проблематикой.

Главное, что показала эта конференция: интерес и внимание к России со стороны представителей американской общественности, экспертов, которые занимаются проблемами отношений промышленно развитых стран с Россией, сейчас возрастают. И прежде всего их интересуют перспективы развития нашей страны и, соответственно, весь спектр вопросов, связанных с экономической и политической программой нового руководства.

Думаю, для нашей дискуссии, это очень важный знак. Ведь мы собрались сегодня, чтобы попытаться понять, как нас воспринимают за рубежом, как относятся к тем непростым процессам, которые происходят в России. Такой разговор чрезвычайно полезен и своевременен, и я надеюсь, что наша дискуссия будет плодотворной.

С.П. Капица

Первое слово мы предоставляем Леониду Марковичу Григорьеву. Тема его выступления: *Иностранцы и россияне. Представление о месте России в мире.*

Л.М. Григорьев

Я начну с цифр. Валовой продукт в долларах на душу населения в США, с которыми мы любим себя сравнивать, поскольку мы не согласны на меньшее, — 29 000. В России, если по текущему курсу, — 1 300, если по паритету покупательной способности (ППС) 1996 года, — 6 000. У бразильцев около 5 000. Напоминание о том, где мы стоим по ВВП, важно.

Представление о времени, в котором мы живем

Мы живем героическим прошлым, которое я буду кратко называть «Сибирский цирюльник». Вы понимаете, что Ключевского и Покровского уже давно никто не читает. Представление о царском режиме черпают из фильмов Михалкова.

Как иностранцы на нас смотрят с точки зрения того, в каком времени мы находимся? По отношению к американцам и китайцам мы зависли в промежутке: ни туда, ни сюда. Дело в том, что мы не обладаем китайским терпением. С другой стороны, американцам наши стремления преждать все неприятности и возродиться в великую державу кажутся абсурдными. Им совершенно ясно, что мы не успеем этого сделать «до понедельника». По отношению к иностранцам мы попали в странное положение — у нас горизонт не совпадает ни с Востоком, ни с Западом. Он слишком длинен для западных партнеров, поскольку мы слишком далеко смотрим вперед, и слишком близок для Востока.

Культура

Мы думаем, что у нас раньше была великая культура, и, наверное, это правильно. Теперь же, поскольку наша культура производит слишком мало и не в состоянии противостоять импорту из США, мы должны ясно понимать, куда мы движемся.

Они нас воспринимают как нацию Солженицына, так как, кроме Солженицына из XX века, они ничего не знают. «Мастера и Маргариту» полностью не понимают, и даже знаменитый анекдот о новом русском и Мефистофеле большинство американцев не понимает, потому что не знает, кто такой Мефистофель. Поэтому мы в России обречены оставаться нацией концлагерей и злодеев для чеченского народа. Газеты лишь подстраиваются под этот взгляд.

История

Наше представление об истории России — это мученичество: они на нас напали, а мы умирали, мы отступали, мы все сожгли, что могли, и в результате победили. Голодные, битые, но победили. В США представление о нашей истории абсолютно никого не интересует. Авторы одной, очень известной книги о российской экономике, написанной в 90-х годах, утверждают, что Россия победила в Крымской войне. Оказалось, это связано с фильмом о гибели знаменитой английской кавалерийской бригады. Американцы фильм видели, и по сюжету решили, что Россия победила в войне: кто выиграл битву, тот и победил.

Что о нас, сегодняшних, помнят американцы? Хрущев с ботинком и Ельцин с оркестром, они знают, что был Гагарин, ну, и балет. Но все это не заставляет их относиться к России как к великой державе.

Желаемая история

Какими мы хотели бы видеть нашу экономическую историю, наши экономические программы? Когда пишут профессионалы, они вынуждены усмирять перо, но желаемое описывается по сюжетной схеме

сказки о Коньке-Горбунке в ее финальной части, где в результате погружения в горячую и в холодную воду, затем в молоко выскакиваешь принцем! Десять лет падаешь, потом начинается рост под 14%, и через 10 лет — мы опять великая держава.

Как они себе нас представляют? Идеальный вариант — отправить нас, по возможности, в эпоху до Петра I, чтобы мы никому не мешали. Мы опять не влезает ни в какие параметры, нас невозможно нарезать на нормальные кирпичи. Мы недостаточно малонаселенные, чтобы относиться к нам, как к Гренландии. Мы недостаточно экономически сильные, чтобы с нами всерьез считаться, как с Японией или Китаем.

Экспорт

По существу, они уверены, что мы экспортируем сырьевые товары, и нам этого достаточно. Пока что это прелестный набор, а главное неисчерпаемый.

Как мы себе представляем свой экспорт? Проводится мудрая государственная политика, и через несколько лет бурным потоком за границу вместо женщин поставляются роботы. Все покупают наши высочайшие технологии — и мы хорошо здесь живем.

Потребление

Они думают, что мы должны потреблять в соответствии с тем ВВП, о котором я сообщил, чтобы ни у кого иллюзий не было.

Как мы себя представляем? Вы помните дискуссию о среднем классе? Что такое средний класс? Средний класс — это те, кто живет как средний класс на Западе, — основной вывод дискуссии. Все, кто хорошо ест и едет за границу на лыжах кататься, и есть средний класс.

Представление о великой державе

У них представление о нас, как о великой державе — нечто среднее между бывшей Австро-Венгрией и Турцией до распада. И совершенно никто не может понять, почему мы ведем себя неадекватно. Я не хочу сказать, что они правы, но представление у них такое.

Л.М. Григорьев

У нас представление о себе, как о великой державе — это все-таки идалго на танке посреди Косово. Вы помните восторг по поводу ударного марша батальона, который занял дорогу, по которой англичане не смогли куда-то заехать? Это великое политическое достижение 99-го года. Ребята-то молодцы, у меня отец сделал такой марш из Берлина в Прагу. Но там была война, а это был жест.

Поэтому, когда мы сталкиваемся с психологическим непониманием обыкновенного человека или политика, живущего на Западе, особенно в США, то имеем в виду все-таки сотрудника американского Министерства иностранных дел. Это средний американец из средней школы, напичканный определенной доктриной и обученный определенным политическим действиям (элита там располагается в ином месте).

Никто на Западе не обязан изучать историю России больше, чем в размерах школьной программы. Ротация кадров в западных МИДах и газетах приводит к тому, что специалист, отработавший три года в Пакистане, едет на два года в Москву или в другое место. Поэтому средний уровень представлений о России, за исключением нескольких специалистов по российской истории и литературе, довольно гомогенный в мире. Он основан не на изучении российской истории и литературы, а на некоторой нахватанности: 5–10 общепринятых книг, зафиксировавших определенную мифологию. Мой секретарь в США, милейшая женщина с дипломом католического колледжа, долго спорила со мной по некоторым вопросам, и я спросил ее: «Какую историю вы проходили в школе?». Она сказала: «Я училась в Нью-Йорке, у меня в школе было три истории: год — история мира, год — история США, год — история Нью-Йорка». Это все, что она знала о мире. Я хочу сказать, что мир не только не знает нас, но не обязан знать. Да, у них несколько комическое представление о нас, но у них точно такое же представление о Таиланде до поездки в Бангкок! Я сделал утрированный сколок части газетных и политических дебатов в мире. Я все это могу перевести на жесткий язык цифр.

Есть несколько вариантов выхода из этой ситуации в долгосрочном плане.

Первый вариант (инерционный, как теперь принято говорить) — мы продолжаем ощущать себя великой державой, продолжаем отказываться понимать, почему они нас так не воспринимают, и ссоримся по мелочам.

Второй вариант — мы следуем их представлению о себе, и это в какой-то степени опускание рук, протягивание «ножек по одежке», чего очень не хочется.

Надо ясно понимать, что есть только один единственный вариант — это резко изменить наше отношение к труду, к закону и пр. Это попытка, не теряя своей национальной особенности, своей истории, культуры и т.д., начать работать, как те страны, которые в отличие от нас прошли «культурный капитализм». Сформулировать для себя заново правила работы, инвестиций, уплаты налогов, создать то, что называется

социальным контрактом (не политическим, а именно социальным) между тремя сторонами — государством, бизнесом и населением. Бизнесмены платят налоги и зарплату населению. Население работает и платит остальные налоги. Государство обеспечивает нормальные условия для бизнеса и ощущения населения, что его не грабят и не дурят. На этой базе можно было бы цивилизовать страну и изменить представление Запада о нас, в котором мы имеем несколько комичный и архаичный вид.

С.П. Капица

Вы остро поставили несколько вопросов, что дает основание для дальнейшей дискуссии. Какие будут вопросы к Леониду Марковичу?

Г.Б. Клейнер

Кому принадлежит взгляд, который вы с элементами сарказма описали — я имею в виду не только американскую, но и нашу сторону? Американский взгляд, принадлежит как бы американскому работнику МИДа, выходцу из средней семьи. Кому принадлежит этот описанный Вами взгляд с нашей стороны? Является ли он, по Вашему мнению, плодом некоторого репрезентативного русского, т.е. устойчива ли и однородна эта система взглядов?

Л.М. Григорьев

Давайте спросим присутствующих, насколько это репрезентативно и устойчиво. Если это было узнаваемо, то, наверное, и репрезентативно. Мне очень трудно судить, я не социолог.

С.П. Капица

Я думаю, что все вопросы сразу трудно разрешить, но хочу заметить: сказанное Вами — по-моему, проблема больше американцев, чем наша, с их системой образования, которая сильно навязывается нам. Мы находимся в несколько лучшем положении, чем обязаны своей культурной традиции. Но вот в конце Вы сделали очень важное заявление общего характера насчет социального контракта. Оно, правда, немного отстает от темы, которая была заявлена, однако, это, может быть, самое существенное из того, что Вы сказали. Потому что в Америке социальный контракт существует. Этим она для нас и интересна, а вовсе, наверное, не тем уровнем культуры и образования, которого она достигла.

Я бы хотел предоставить слово Елене Вячеславовне Беляновой. Тема ее выступления: *Россия глазами работающих в ней иностранцев.*

Е. В. Белянова

Я поделюсь своими наблюдениями о том, как меняется отношение иностранцев к России по мере ее познания. Речь пойдет о своего рода

цикле познания: от начальной фазы, когда иностранцы видят Россию «снаружи», глазами средств массовой информации, и далее — на разных стадиях личного и личностного знакомства.

О каких иностранцах идет речь? Это — типичные представители среднего класса из разных стран Западной Европы. Они мои коллеги по образованию — экономисты, а также юристы, финансисты, инженеры. По профессии — главным образом, консультанты. Многие из них до приезда в Россию уже работали в других странах мира, так что Россия — не первая «особенная» страна, с которой они знакомятся. Изначальные знания о России у этих иностранцев весьма фрагментарны и схематичны (их можно сравнить, к примеру, с тем, что знает о Великобритании никогда не бывавший в ней россиянин с высшим образованием). Однако априорное отношение к России у них, как правило, непредвзятое, лояльное, максимально открытое. Для консультанта неприятие чужой культуры — свидетельство профессиональной непригодности, а ее «понимание умом» входит в профессиональные обязанности. Может быть, именно поэтому они сначала пытаются проявлять лояльность даже по отношению к тому, что нас раздражает или ужасает. Так, поднимаясь в грязном лифте, они могут сказать: «да, у нас тоже в многоэтажных домах есть грязные подъезды». Сталкиваясь с коррупцией, они замечают, что и у них это встречается, вплоть до высших эшелонов власти...

За первой *фазой приятия*, как правило, следует *фаза очарованности Россией*. Чем дольше мои коллеги живут и работают в России, тем больше встречают интересных людей со схожим образованием и с культурным багажом, не так уж редко превосходящим их собственный. Чем больше они узнают о российской культуре, тем больше пленяются ею. Но вот что любопытно: Россия, становясь им дороже и ближе, отнюдь не становится понятнее. Скорее, совсем наоборот, чем ближе им люди, чем притягательнее культура, тем больше возникает «загадок». Начинается *фаза интеллектуального и эмоционального разлада*, в которой иностранцы в России честно, но зачастую тщетно, стараются «понять умом», что же все-таки происходит в этой стране и, главное, почему.

Вот примеры «загадок», над которыми ломают головы мои западные коллеги:

- почему в стране с такой богатейшей духовной культурой столь ужасающе низка политическая культура?
- почему в стране, обладающей не только богатыми природными ресурсами, но и столь богатым интеллектуальным потенциалом, так бедно живет основная масса населения?
- почему «носители интеллектуального потенциала» столь редко становятся политиками и чиновниками?
- и почему чиновник (по-английски: *civil servant*) не *служит* людям, а *правит* ими?

Фото Л. Панкратовой

Е.В. Белянова и Г.И. Мирский

Возможно, разгадыванию этих головоломок не способствует система европейских цивилизационных ценностей. Но, с другой стороны, много ли русских могут ясно и убедительно ответить на такие вопросы?

Попытки решения российских головоломок приводили на моих глазах к различным исходам. У одних людей в итоге возникает устойчивое неприятие страны, антипатия к ней. Другие, пытаясь примирить свои симпатии и антипатии, строят аналитические конструкции, отделяя «людей, народ» от политиков, чиновников, государства и приходя, например, к убеждению, что Россия — это единственная страна, которая является исключением из правила, где «каждый народ заслуживает то правительство, которое он имеет». То есть, в результате интенсивной эмоциональной и интеллектуальной работы у иностранцев формируются точки зрения, диапазон которых очень велик. И этот диапазон неплохо коррелирует с отношением к России самих русских.

С одной стороны, это недоумение: «Как же вы здесь живете?» и «Почему вы позволяете себе так жить?» И вывод для себя: «Здесь ничего нельзя сделать, я здесь не нужен». С другой стороны: «Я тоже хочу здесь жить. Я могу здесь быть полезен». Последнее можно трактовать как проявление профессионального интереса, видение обнадеживающих перспектив. Но можно усмотреть в этом и что-то вполне сродни тютчевскому, некий феномен обрусения западноевропейского сознания.

В любом случае здесь, по-моему, присутствует компонент: «верю, потому что люблю, а люблю вопреки».

С.П. Капица

Мне кажется, Ваши наблюдения очень интересны и точны. В последнее время я участвовал в заседаниях русско-голландской комиссии по научному сотрудничеству. Только что мы закончили большой доклад, который отражает то, о чем Вы говорили.

Голландцы очень умелы во взаимодействиях с другими странами. То, что они всегда были воротами Европы и самой свободомыслящей страной, несомненно, наложило отпечаток на их менталитет. Я просто говорю об этом, как о частном примере. У Вас тоже были, в основном, Ваши голландские коллеги?

Е.В. Белянова

Я говорю о представителях стран Западной Европы — от англичан до греков.

С.П. Капица

Я хотел бы попросить профессора Теодора Шанина выступить с его сообщением о России. Тема выступления называется: *Окно в Россию*.

Т. Шанин

«Запад» бывает разный. Это довольно ясно прозвучало сегодня уже в первоначальных сообщениях. Америка — это особый «Запад». О нем я говорить не буду. Второй Запад — это иностранцы, которые живут в России. Важная группа, хотя и небольшая. О них уже было сказано. Я хочу сказать кое-что о тех, кто живет в Западной Европе, а именно в Англии, но мне кажется, англичане, голландцы и скандинавы довольно близки. Это одна геокультурная сфера, в которой просматриваются примерно одинаковые взгляды, проговариваются, муссируются похожие точки зрения, вокруг них спорят и т.п.

Если говорить о динамике, то есть общая динамика — это увеличивающееся отчуждение России от Западной Европы и Западной Европы от России. Это связано с какими-то процессами, и надо понять корни углубляющегося отчуждения. Я считаю его необыкновенно опасным и думаю, что глубина этого отчуждения не совсем понимаема русскими политиками и русской интеллигенцией.

Недавно Путин сказал, что, вот с Чечней разберемся и в течение нескольких недель наладим отношения. И немедленно пошел в балет, чтобы налаживать отношения с моим правительством. Он, я думаю, честно верит, что если договорится с тоненькой политической элитой моей страны, то договорится с англичанами. Хорошо ли, плохо ли, но Англия — демократическая страна. И воля ее большинства определяет,

что в итоге скажут политики. Если политики завтра (а английские политики, как и русские, меняют взгляды) решат, что им удобно расцеловать русского президента, то только от этого взгляд англичан на Россию не изменится. И если он не изменится, то изменится взгляд политиков, потому что их заставят отступить.

Я достаточно стар, чтобы помнить, как в Англии мы, т.е. студенты, преподаватели университетов и разные люди моего сорта, выйдя на улицы, заставили правительство не посылать армию во Вьетнам. Правительству этого очень хотелось, там были все: американцы, братья наши старшие, австралийцы. Англия не послала солдат, потому что большинство англичан были против, а в демократических странах, как ни странно, это имеет значение. Это не значит, что мы ежедневно встречаемся и голосуем по каждому вопросу, но коллективное мнение влияет на политику. И как это повлияло в случае с Вьетнамом, к сожалению, может повлиять и в отношениях с Россией. Потому что чувство отчуждения и враждебности к России увеличивается в течение последних нескольких лет шаг за шагом.

Попробую объяснить. Я думаю, главную роль в этом играет не Чечня, хотя Чечня добавила много серьезных вопросов. И будет, по-видимому, добавлять и дальше, к моему великому сожалению. Главное здесь — разочарование, глубокое жестокое разочарование большинства англичан в России. Я должен сказать, что это разочарование

находит свою параллель в разочаровании русских в Западе. Ведь у русских произошел этот поворот: сначала — вот они, какие прекрасные, нам помогают! А после этого — что происходит? — они нам не помогают, а мешают!

В Западной Европе совершенно ясно определилась модель, на мой взгляд, наивная, но это не мешает тому, чтобы большинство ее принимало. Россия — прекрасная страна. Толстой, Достоевский и т.п., но только большевики затащили ее в какой-то тупик. Из этого тупика теперь русские выбрались, значит все пойдет прекрасно. Они станут, как мы (а это, ведь, сла-

бость каждого — культуру своей нации считать естественной, нормальной, прекрасной). Станут, как мы! А чтобы быстрее стали, как мы, мы им еще подбросим консультантов и столько-то миллиардов долларов. А получилось наоборот: не стали, как мы. Это разочарование теперь переходит во враждебность. Если это так, значит прежде плохое не было следствием политики большевиков, вопрос в самой России. Это Россия — сумасшедшая страна, а не большевики были сумасшедшими вождями этой страны. И, таким образом, у людей, которые редко бывают или никогда не бывали в России, начинает создаваться ее образ как сумасшедшей страны.

К этому добавляется то, что в России считается мелочью, а в Англии — нет. Это мелочи ежедневной жизни, которые являются для англичан центральными для определения, кто цивилизованный, а кто нет. Все знают, что Конго — нецивилизованная страна, а Голландия — цивилизованная. А как мы это знаем? Законы вежливости на улицах. Например, моя жена возвращалась из Иркутска, где помогала организовывать какой-то проект. Снег, полет задержался на 24 часа. Вернувшись, она восприняла эту задержку на 24 часа и все мучения, которые с этим связаны, совершенно спокойно. Но ее вывело из себя, что не предложили чашку чая, не извинились. По английским понятиям, это — зверство. *Это* нецивилизовано, а не технические трудности, которые понятны. Теперь, когда на разочарование накладывается какая-то нецивилизованность, выстраивается, если хотите, модель того, что есть Россия.

Еще одна вещь, которая, на мой взгляд, очень важна. Общественное мнение — это не элита первого ряда. Это не пять политиков, шесть интеллектуалов и один журналист, которые вместо тебя определяют, что люди думают в Англии. Это определяется теми, кого вы так часто называете средним классом. Если хотите, вторым уровнем элиты. Это те люди, у которых нет собственной заинтересованности в том, чтобы договориться или не договориться с кем-либо. Но они формируют общественное мнение. И когда я говорил об отчуждении и как оно, на мой взгляд, создается, я имел в виду их.

Следующий элемент того, что создает отчуждение. Это русская пропаганда в защиту России. Она, извините, до того глупа, что выводит из себя образованных англичан, голландцев, французов и т.д. Нельзя в нормальных спорах защищать Россию, говоря, что она во всем права. Этого одного достаточно, чтобы поставить крест на всем, что вы сказали. Если 90 процентов того, что вы сказали «в защиту» — правда, а 10 процентов — ложь, но вы упрямо говорите, что *все* — правда, то конец разговору! Конец переговорам, конец спору. Потому что доверие теряется, и дальше дело не пойдет.

Я хочу рассказать, что мы пробуем сделать в программе «Окно в Россию». Во-первых, пробиться на Западе к элите второго уровня. Не к генералам, начальникам и президентам, а к среднему классу, и вывести их

на нормальных людей в России, чтобы показать им не как прекрасна Россия, а чтобы сказать правду про Россию, как она не просто прекрасна, но и ужасна. Как в ней многого не получается, но многое и получается. Как в ней учителя не получают зарплату, но как они ходят и обучают, несмотря на то, что не получают зарплату. На те блестящие сельские школы, в которых я не раз бывал. Они потрясают и потрясут каждого нормального англичанина среднего класса, но до них надо добраться. Потому что нормальный турист попадает только в Москву и возвращается из Москвы. Иногда еще съездит в Петербург посмотреть на дворцы. Это надо как-то преодолеть. Мы попробуем, мы начали уже пробовать, и мы будем продолжать попытки создать прямую связь наших среднего класса с русским средним классом, показывая, что удачно и что неудачно.

Я закончу примером. У нас только что был один журналист Би-би-си, которого послали описать выборы Путина. Он мне сказал, что это до того скучно, каждый знает, чем все закончится и что он не хочет терять время, и, может быть, я смогу ему предложить что-нибудь другое. Мы его послали в четыре места: в Борисово — село в 20 км на запад от Москвы, чтобы он посмотрел, как выглядит русское село. С одной стороны, как там плохо, и, с другой стороны, как люди выживают. А это страшно важно, что выживают! В Дзержинск, чтобы посмотрел на небольшой городок. В Театр Луны, чтобы посмотрел, как из ничего создается прекрасный театр без помощи кого-либо. И мы ему предложили встречу со студентами. Уезжая, он мне сказал: «У меня все перевернулось вверх ногами, и я готовлю новую программу, которую передам по радио. В ней не будет расхваливания России, но в ней будет правда. Мы по-другому подойдем к этой теме, и я надеюсь вернуться и опять посмотреть больше и подольше».

В чем я вижу «Окно в Россию»? Что я делаю как гражданин Великобритании? Мои усилия, в основном, нацелены на изменение взглядов англичан. Я думаю, так же, как я стараюсь пробить окно в Россию, работая с западными коллегами, так и русские коллеги должны бороться за «Окно в Россию» и таким образом избавляться от опасности взаимного отчуждения.

С.П. Капица

Вы, по-моему, очень точно наметили ряд вопросов. Проблема отчуждения. Отчуждение имеет два смысла: разочарование, потеря веры, и отчуждение в более глубоком смысле. Проблема отчуждения в более глубоком смысле одновременно существует в разных странах, и это одна из проблем современного мира. Но в основе того, о чем Вы говорили, я думаю, лежит кризис доверия. У нас была эйфория от такого доброжелательного отношения к России после начала больших перемен еще в горбачевские времена. А потом кредит доверия, кредит симпатии

и эйфория надежд улетучились. Это одна из серьезных политических задач, которые сейчас есть — восстановить доверие к себе.

В итоге вся наша дискуссия в значительной мере связана с этой проблемой. От нее зависит и то, как нас воспринимают там. Вместе с этим возникает проблема ответственности тех, кто представляет нас за рубежом. Поток «новых русских», просто русских, выезжающих за рубеж, составил о нас другое представление, чем это было раньше. Это тоже несомненный фактор.

Пожалуйста, вопросы к профессору Шанину.

Вопрос из зала

Вы думаете, программу журналиста Би-би-си покажут?

Т. Шанин

Первые элементы уже показали.

Реплика

Вряд ли покажут все, потому что устоявшееся видение России устраняет спрос на дополнительное видение.

Т. Шанин

Это совершенно правильно. И мне жалуются мои коллеги, что из отчетов английских журналистов печатают в основном про Чечню. Но в нашем случае из отчета этого журналиста Би-би-си отправлены в эфир первые сюжеты его информации. Это раз. Во-вторых, конечно, надо продолжать работать, и этот журналист готовит большой семинар в Лондоне, в основном рассчитанный на редакторов и журналистов. Насколько хорошо это там пройдет, увидим, но мы рассчитываем на Чатен Хаус — они туда всегда ходят, как в клуб всех ведущих журналистов.

Задача изменения взглядов на уровне наций выглядит до того неподъемной, что у многих опускаются руки: ничего нельзя сделать, поэтому ничего делать не будем! Для меня лично это неприемлемо. Я считаю, что такая вещь, как эффект умножения, работает не только в экономике, но и в культурных конфликтах, когда даже к небольшой группе, которая начинает борьбу за что-то, вдруг начинают присоединяться другие люди. Представьте, мое интервью в журнале «Эксперт» («Окно Теодора Шанина в Россию», «Эксперт» № 10, 2000 г.) прошло дней десять назад. Мне после этого звонят многие русские, и предлагают помощь. Это важно. Я думаю, что-то можно сдвинуть в Англии и в Западной Европе. Во всяком случае условия, при которых наши редакторы журналов отказываются брать статьи про «нормальных» русских, занимающихся нормальным делом, а вместо этого ставят Чечню — это ситуация, которую можно изменить. Но главное, по-моему — личные отношения. Я не очень верю в печатное слово в таком вопросе. Я думаю, здесь очень важно создавать прямые связи.

Е. А. Абросимова

Вы говорили об отчуждении очень аргументировано и довольно четко определили цель программы «Окно в Россию». Но почему Вы привели такой пример, когда в качестве вида из «Окна в Россию» выбрали село в 20 км от Москвы, а не село в Орловской, например, или Калужской области и в качестве образца маленького города выбрали город-спутник Дзержинск, а не Арзамас-16? Может быть, как раз в близлежащем к Москве селе или городе отчуждение проявляется в большей степени?

Т. Шанин

Причина прагматична. У журналиста были три дня и за три дня мы сделали то, что могли. К нам едет другая группа, и она пойдет непременно по тем селам, где работали мои исследователи. Это будет на Кубани, это будет в 120 км от Саратова на Волге, и это, по-видимому, будет на далеком Севере в селе Кобелевке. Так что цель наша — подальше от Москвы. Москва — это нетипично. Один из важных элементов нашей работы — прямо-таки вырвать журналистов из Москвы. Но когда у человека три дня, у нас две возможности: сказать, что ничего сделать нельзя, или посадить его в машину и показать, сколько можно.

Вопрос из зала

Из Вашего рассказа складывается впечатление, что разочарование наступило в результате фрагментации существовавшей ранее целостной картины. Теперь она распалась на мелкие кусочки: где-то не платят зарплату, где-то самоотверженные учителя и работники детских садов, где-то еще что-то делают. Как Вы считаете, имеет ли значение степень фрагментарности и степень целостности картины для преодоления того эффекта, о котором Вы говорили?

Т. Шанин

Я думаю, что картина в данную минуту не фрагментарна, она едина, и она черная. Главный сюжет — это балаган, хаос. И это Чечня. Во-первых, правда, что такое существует. Во-вторых, страшно, что такое существует. В-третьих, это ложь для России. У англичан есть такое понятие: если что-то скрываешь, значит лжешь. Исправить ситуацию можно открытостью.

С.П. Капица

Спасибо. А теперь — *Взгляд на Россию с точки зрения международных отношений*, о котором сообщит нам Владимир Георгиевич Барановский.

В.Г. Барановский

Тему своего сообщения я назову несколько иначе: как воспринимают Россию за рубежом в качестве участника международной жизни.

Во-первых, есть две стороны вопроса: как оценивается место России на международной арене, каково ее объективное положение в системе по разным параметрам (экономика, военный потенциал и т.д.). Другая сторона — как оценивается российская внешняя политика с точки зрения ее соответствия объективному статусу страны. Это первая оговорка.

Во-вторых, поскольку мы говорим о восприятии, то требуется уточнение: кем и где? Некорректным будет любой обобщающий и однозначный ответ на этот вопрос. Россия как субъект международной деятельности воспринимается по-разному в Европе и США, в Китае и в Латинской Америке или в странах СНГ. Кроме того, в каждом из этих восприятий надо уточнять — восприятие политического класса в целом или более узкого и лучше информированного сообщества, которое включает дипломатов, исследователей-аналитиков, профессуру, военных, журналистов-международников или речь идет о средствах массовой информации, или общественном мнении в целом. Все это связано друг с другом, но иногда и заметно различается.

В-третьих, уточнение методологического характера. Нужно проводить различие между тем, какую Россию хотели бы видеть на международной арене, и тем, что видят на самом деле. Это различие между нормативным подходом и объективно-аналитическим. Кто-то хотел бы видеть Россию влиятельной силой на международной арене и огорчен, что этого нет на самом деле. Кто-то наоборот, предпочел бы Россию как исчезающе малую величину, полагая, что она все еще слишком сильна и способна создавать излишние проблемы.

С учетом всех этих оговорок посмотрим на тему: «Восприятие России как участника международной жизни». Для этого сравним наши представления о том, как нас воспринимают на международной арене с тем, какие представления на наш счет существуют у внешних партнеров России. И здесь нередко наблюдаются любопытные несоответствия.

Мы иногда намеренно, а иногда подсознательно занимаемся манипуляциями по вопросу о России как преемнике СССР в международных делах. В основном, это признается, и в последнее время все больше. Но при других обстоятельствах нам кажется правомерным или удобным, целесообразным или выгодным самоотстраняться от прежней советской политики. Скажем, для либерального демократического сознания — отстраняться от ввода советских войск в Чехословакию, или от Афганистана. Все делал Советский Союз, Россия не имеет к этому никакого отношения, никакой за это ответственности не несет — ни народно-правовой, ни политической, ни моральной. Надо отдавать себе отчет, что в зарубежном восприятии такой раздвоенности и двусмысленности практически нет. Восприятие однозначно: Россия — это Советский Союз сегодня. Это надо учитывать, не рассчитывая на то, что в одном случае можно будет апеллировать к нашим корням, а в других — отказываться от них.

Следующий пункт. Как влияют наши внутренние дела, и процессы на внешнюю политику, на взаимоотношения с внешним миром. Здесь проблема известна. В начале 90-х годов многим казалось, что если Россия четко обозначит ориентиры своего внутреннего развития — мы строим демократию, мы строим рыночную экономику! — то тем самым она открывает себе дверь в сообщество цивилизованных стран. И у нас такого рода настроения были, и на Западе. Американская внешняя политика до 1993-1994 гг. исходила из того, что каких-то крупных проблем во взаимоотношениях с новой демократической Россией быть не должно. Мы очень хорошо знаем, что избавились от этого синдрома медового месяца. Избавились и в России, и за рубежом. Может быть, Россия сделала это быстрее и более основательным образом, чем многие наши контрагенты на Западе.

У нас уже прочно укоренилось представление, что есть важные для нас международные внешнеполитические интересы, по которым расхождения с Западом неизбежны. И какими бы большими демократами мы в России не были, какими бы успехами не характеризовалось наше продвижение к рыночной экономике, расхождения неизбежны, и из этого надо исходить.

Главное, что на Западе на уровне декларативной политики, а может быть, и глубже, характеристики нашего внутреннего развития все еще рассматриваются как имеющие ключевое значение во взаимоотношениях с Россией. Стоило Путину заявить о приверженности либеральным реформам, о намерении строить сильное государство на демократических основах, о том, что надо войти в мировую экономику, как это вызвало буквально шквал благожелательных комментариев со стороны западноевропейцев, американцев. А с Тони Блэром развивается новая «лав стори», как в свое время у Горбачева с Тэтчер.

Здесь есть два принципиальных момента. Во-первых, если рассуждения на геополитические темы в духе XIX века являются не только модным поветрием, но и тем, что будет составлять квинтэссенцию нашей политической философии, то всякая демократия, либерализация — все это будет не более чем легкий флер, который ни в коей мере не сможет устранить геополитическое соперничество с Западом. На этом фоне такой возникающий внешнеполитический ресурс, как благожелательное отношение к Путину (они опасались увидеть в Путине авторитарное исчадие КГБ, а оказался человек, с которым можно иметь дело), сохранится не долго.

Другая сторона вопроса. Не очень ясно, правомерен ли постулат об абсолютной приоритетности каких-то геополитических параметров? Правомерен ли этот постулат также и для наших партнеров? Есть много аналитиков и политиков, которые развивают стройную систему аргументов, построенных на простой посылке: российская демократия, российская либерализация, рыночная экономика — вещи второсте-

пенные. Хорошо, если они будут, но не это стоит на первом плане. Главное, чтобы Россия не возродилась как держава с глобальными интересами. Обычно при этом кивают в сторону Бжезинского. В том, как на нас смотрят из-за рубежа, есть своя циничная правда.

Если считать, что на Западе исходят только из этого или преимущественно из этого, то Россия рискует нарваться на большие неприятности. Чеченские дела тому подтверждение. Почему такая реакция на Чечню? Это непонимание наших реалий или стремление унижить Россию? Если непонимание, нужно разъяснять. И Путин три часа тратит на разговоры с лордом Рассе-

лом Джонсоном, чтобы разъяснить, в чем тут дело. Если стремление надавить на Россию, то можно уйти с сессии парламентской Ассамблеи Совета Европы. Может быть, и одно нужно, и другое. Но не только это! Нужно понимание. Такая схема просто уводит от того, что образу России за рубежом наносит непоправимый ущерб сам факт бомбардировок, сам факт беженцев, сам факт уничтожения мирных жителей и т.д. Нивелировать все это чисто внешнеполитическими или пиаровскими акциями принципиально невозможно.

В этой теме много дополнительных аспектов. Например, как сказывается наше экономическое ослабление на восприятие международных возможностей России, на ее внешнюю политику. Я хотел бы подчеркнуть только одну мысль, что есть различие между разными внешними контрагентами и тем, как Россия воспринимается в качестве игрока или в качестве участника международной жизни. Как я уже говорил, для Запада мы исчезающе малая экономическая величина. Грядущее экономическое возрождение России — это экономическая теория, не очень-то связанная с практикой. Разговоры, что нас хотят устранить как конкурентов на международном рынке, очень популярны, особенно среди не экономистов. Но это явное преувеличение. Конечно, этого не может не быть. И в отношении России нет ничего исключительного, что выходило бы за рамки нормальной практики. Здесь важнее другое.

Наша экономическая недееспособность рассматривается как признак недееспособности в более широком плане, в том числе и внешнеполитическом.

В заключение. Есть общий вектор, связанный со статусом России, как участником международной жизни, и вектор этот не очень вдохновляющий. Во внешней политике России, когда смотрят на нее из-за рубежа, очень часто видят отсутствие тщательно продуманной стратегии, отсутствие умения эффективно использовать конкретные обстоятельства. Но одновременно существуют представления о сохраняющемся внешнеполитическом потенциале России, никто не склонен сбрасывать Россию со счетов. Многие считают, что ее активное участие в международных делах, во-первых, желательно, во-вторых, возможно, и это есть наш внешнеполитический ресурс, который можно достаточно осторожно и достаточно результативно использовать.

С.П. Капица

Спасибо. Прошу вопросы.

Е.В. Белянова

Мне кажется, мы все говорили в одном направлении и, наверное, не будет сбалансировано все это, если не попытаться поставить вопрос: насколько вредна лояльность Запада к России для России? В течение последних пяти лет, когда события в России лояльно воспринимались Западом, у молодого поколения формировалось циничное отношение к Западу.

В.Г. Барановский

Очень важно для России определить приоритеты. И исходя из приоритетов внутреннего развития, определить значение отношений с западными и другими странами. Существует огромное международное политическое поле, на котором Запад, США — доминирующая сила, но не единственный демиург всего внешнеполитического процесса в глобальных масштабах. Возможность России более активно участвовать в международных делах признается многими странами третьего мира. Есть ощущение, что Россия при всей своей ослабленности, при всей ущербности многих параметров внешнеполитического статуса, нужна как участник международной жизни, чтобы сбалансировать доминирующее воздействие США или Запада в целом. Россия оказывается нужной для такой не малозначительной страны, как Китай, для участников международной жизни из других регионов. Сфокусированность на Западе необязательно связана с очень большими издержками для России. Для нее очень важно более широкое и более многогранное видение своих внешнеполитических интересов и возможностей на международной арене.

С.П. Капица

Спасибо. В Вашем докладе был поднят очень большой круг вопросов. Сейчас я хочу предоставить слово Елене Антоновне Абросимовой. Тема ее выступления: *Запад и российские юридические тенденции*.

Е.А. Абросимова

Те вопросы, которые я хотела бы поднять, в большинстве своем будут касаться российских юридических тенденций, восприятия этого феномена за рубежом. Я, прежде всего, хочу обратиться к вступительному слову, которое здесь произносилось. Было сказано, что восприятие России на Западе зависит от того, как Россия и россияне воспринимают сами себя. В России существует два подхода, когда речь идет об отношении Запада к тому, что происходит в нашей стране. Одни настаивают на том, что у России есть свой путь, отличный от Запада, от Америки, от развивающихся стран и тем более отличный от восточных стран. Другие же утверждают, что все, что происходит за рубежом, — это уже изобретенный велосипед, и что стоит только переложить, перенести этот опыт на российскую почву. До недавнего времени по второй линии строились взаимоотношения между Западом и Россией. С этой точки зрения я хотела бы обратить внимание на некоторую тенденцию в области права. Если несколько лет назад речь шла о тенденции «делай, как я», то сейчас уже речь идет не о переложении этого опыта, а о его применении.

Хочу остановиться на трех аспектах применения этого опыта. Каким образом применяется опыт Восточной и Западной Европы, а также американский опыт на стадии формирования приоритетов при обсуждении вопросов, связанных с развитием права. Формирование приоритетов происходит сегодня не просто в кругу иностранных экспертов и консультантов, а с привлечением российских кадров. Если речь идет о работе иностранных специалистов в качестве консультантов, то при их выборе основными являются три позиции: российские корни, язык страны пребывания (достаточно в разговорной форме), опыт работы в развивающейся стране. Если заглянуть в любое приглашение на конференцию, то Россия стоит в разряде других развивающихся стран. Поэтому сравнение России с Бразилией и другими странами Латинской Америки, о котором шла сегодня речь, мне достаточно понятно. Что касается стереотипов в отношении права, то обычно это — мафия, хаос, Чечня. Мне приходилось работать как ученому и практикующему юристу и в Америке, и в Западной Европе. Сейчас я часто сталкиваюсь с людьми, которые финансируют юридические или правовые инициативы России.

Приоритеты поддержки в юридическом мире и в сфере права следующие: в области коррупции — это мафия; проекты в области судебной реформы — опять же мафия; проекты в области прав человека — это

Чечня; доступ к юридической информации — это хаос. Подготовка подрастающего поколения к работе с правом — это юридические «клиники», которые на русский язык даже не переводятся: а говорят как *legal clinics*, что в России якобы эквивалентно.

С.П. Капица

Я хотел бы обратиться к Евгению Григорьевичу Ясину. Мне приятно вспомнить, что мы впервые познакомились в Давосе, где как раз были затронуты проблемы, которые мы сегодня обсуждаем.

Е.Г. Ясин

Если говорить о том, что думают о нас на Западе и что по этому поводу думаем мы, то все, что происходит, является более-менее нормальным и прогнозируемым.

В советское время нас считали империей зла, затем была эйфория от того, что эта империя развалилась, что Запад победил в холодной войне, что теперь люди в России будут жить, как на Западе. Вслед за эйфорией наступило разочарование. Избежать этого было невозможно. Оно, прежде всего, было свойственно тем людям, которые вкладывали в Россию деньги, приезжали сюда работать, реально сталкивались с нашей действительностью. Через некоторое время на смену разочарованию должно прийти нормальное, взвешенное отношение.

Я согласен с Теодором Шаниным, что над этим нужно работать, добиваться положительных изменений. Есть люди и организации, которые стараются делать то, что Теодор делает по отношению к англичанам. Это институты гражданского общества, чья деятельность направлена на российских граждан, чтобы внушать им те же идеи, что Вы (к Т. Шанину — *ред.*) хотите внушить англичанам.

На то, что происходит, нужно смотреть трезво и не фаталистически, не переоценивать человеческие возможности. Могли ли мы удержать эйфорическое настроение, которое было в 1992 году? Конечно, нет. В России наступил период разочарования в реформах, естественно, он наступил и на Западе. В России наступило разочарование в Западе: почему нам не устроили план Маршалла и почему за нас все не сделали? Нам же были обязаны, мы же победили у себя коммунизм и т.д. На Западе же считают, что раз мы дали России 22 млрд долларов из фондов МВФ и Мирового банка, то почему они ничего еще не сделали? Замечу, что за то же время Восточная Германия получила 800 млрд долларов. Но это не принимают в расчет и не сравнивают с Россией! А ведь эта проблема есть. Я не думаю, что нам надо еще давать денег, но мне ясно, что разочарование питается теми же иллюзиями, что некогда и эйфория!

Нам последовательно надо избавляться от этого, чтобы достичь равных нормальных отношений с Западом, когда Россия сама поймет, какое место в мире она теперь занимает. Естественно, она теперь не

сверхдержава и правильно будет действовать на мировой арене в отношениях со своими партнерами как нормальная страна, большая по территории и довольно маленькая по другим параметрам.

Существенным фактором в наших отношениях с Западом является ущемленное национальное достоинство. Мы считаем, что потерпели поражение и часто думаем, что в этом кто-то виноват. Все грамотные люди на Западе это понимают и щадят наши национальные чувства. Хотя во втором уровне, о котором говорил Теодор Шанин, это в меньшей степени ощущается.

Опасно, что мы не желаем каяться, что мы все ищем виноватых на стороне. И закрадывается мысль: почему нас нигде не любят? Почему нас не любят в Литве, в Чечне? Везде, где мы были, нас не любят. Это наследие империи. Это надо понять нам самим.

У нас единая судьба с Западом, никакой альтернативы нет. Это обстоятельство нужно четко понимать, если мы хотим стать нормальной страной.

Западу тоже нужно это понимание, так как, с моей точки зрения, XXI век — это век противостояния Севера и Юга. Противостояния не обязательно вооруженного, но достаточно жесткого. И мы уже сталкиваемся с его проявлениями все больше и больше. При этом очень важно понимать, какое место будет занимать Россия.

Если Россия будет бедной страной, которая опустится как бы к Индийскому океану, то она окажется в зоне Юга. Это никому не нужно: ни русским, ни Западу. В этой связи для нас определенную опасность представляет нынешняя российская внешняя политика. Здесь произошла некоторая смена вех. Когда-то был проамериканский курс Козырева. Его теперь все осуждают и говорят. Я не берусь судить об этом, я никогда не занимался вопросами внешней политики. Но курс Примакова, который и сейчас сохраняется, таит в себе, на мой взгляд, определенные опасности. Они заключаются в том, что наша внешняя политика питается иллюзиями представления о России как о сверхдержаве. Но мы в действительности не имеем ресурсов, амуниции для тех амбиций, на которых сегодня строится наша внешняя политика. Наши дипломаты скажут, что это та же политика, что проводил после Крымской войны Горчаков, что они мечтают повторить его опыт.

Мы должны жестко защищать свои национальные интересы. Так делают все страны, в том числе и западные, и они этот язык прекрасно понимают. Но должно быть четкое ощущение, что у нас одинаковые ценности, а наша внешняя политика не всегда в этом вопросе четко определяется.

Отдельно о Чечне. Это действительно сложный вопрос, потому что то, как ситуацию видят на Западе и у нас — это очень разные взгляды. Надо подчеркнуть, что Россия сейчас тоже демократическая страна, что Путина выбрал народ, и выбрал за то, что тот проводил в Чечне именно такую политику, а не какую-то другую! На мой взгляд, это связа-

но с глубочайшим оскорблением нашего достоинства. К этому можно по-разному относиться, но это реальная проблема. Понимание прав человека на Западе и в России разное. Мы боремся за первоначальные шаги на этом пути, за освоение культуры. На Западе же обсуждаются права сексуальных меньшинств и т.п., которые для нас выглядят экзотикой. И мне кажется, очень важно, чтобы это было понятно.

С.П. Капица

Теперь слово министру Правительства Константину Дмитриевичу Лубенченко, который выразил желание выступить у нас здесь. Прошу Вас!

К.Д. Лубенченко

Я прошу Вас не связывать меня с моей должностью. Я здесь выступаю как самостоятельный исследователь.

Я хотел бы поделиться своим структурным восприятием данной проблемы. Здесь я вижу два аспекта: объективный и субъективный.

С точки зрения объективного аспекта, я смотрю на эту проблему относительно всемирно-исторического развития. Если посмотреть на землю из Космоса, то я вижу ресурсы жизни человечества на земле, вижу распределение человечества по этносам, границы этносов, соотношения этносов с ресурсами жизни. И с точки зрения геополитических интересов мира, я считаю Россию последним театром передела. Россия интересна США, Европе, мусульманскому нефтяному миру, Китаю, Индии и другим. Поэтому отказ от интересов России, как от единого организма, организма нации, мне кажется, был бы неправомерен.

Пиком внимания к теме отказа России от собственных интересов были 1992–1993 г., когда меня буквально терзали журналисты с предложениями выступать о том, что в России не может быть никаких собственных интересов, что Россия страна, которая вступает в Европейский дом. Говорилось, что у России могут быть интересы, которые сформулированы только в рамках Европейского дома. Это обидно для достоинства нации, потому что, я думаю, отставание в бытовой культуре и впечатление некоторого варварства, которое мы оставляем о себе из-за разного рода несчастий, переживаемых нами в этнических, межконфессиональных конфликтах, не являются причиной для нашего уничтожения. Уничтожения как варваров или представителей нецивилизованных этносов, которые в разное время в истории, сталкиваясь с высоко цивилизованными нациями, колонизировали мир, осваивали его ресурсы, чтобы потом, накопив эти экономические ресурсы и возможности, взять высоты культуры.

С этой точки зрения я хочу задать вопрос: если нация и Путин реально и трезво не анализируют последствия геополитической, военной, экономической любви Запада к Горбачеву и Ельцину, то не повредит ли это очередной раз России? Ответить на него важно, начиная говорить о

существовании у России объективных интересов. Великий историк Федор Успенский говорил, что гибель Византии была связана с ее нетерпимостью к Западу и с точки зрения правителей, и с точки зрения православной церкви. В итоге она не смогла выдержать мощного этнографического давления со стороны Востока. Он предупреждал, что это будет для России проблема номер один. У России нет альтернативы, кроме как шагнуть в ногу с Западом. Я очень рад был услышать это от Евгения Григорьевича. В этом отношении я — его сторонник. Но сторонник и осторожности, ибо эта любовь может обернуться трагедией.

Мой опыт общения с журналистами, политиками, работниками спецслужб, особенно в США с высшим руководством ФБР и ЦРУ, приводит меня к следующим выводам. Я знаю о существовании научного интереса к России на Западе. Он осуществляется единицами. Как правило, это определенный заказ — чисто политический — выполнить объективные исследования, для того, чтобы получить информацию, в каком состоянии и к чему движется Россия в настоящий момент.

Что касается средств массовой информации, в частности западных, то я должен сказать, что ни одно мое критическое замечание в адрес политики Горбачева и Ельцина или содержащее критический анализ ситуации в России не увидело свет и не появилось в эфире никогда и ни в одной стране! Хотя у меня брали достаточно большие интервью и в Голландии, и в ФРГ. В Англии, например, Би-би-си однажды брало у меня часовое интервью: ни одного слова из сказанного мною не попало в эфир, потому что я жестко критиковал Горбачева.

Ни одного слова там не появилось в эфире относительно фаворитов, которые вам всем известны и которые приложили руку к разграблению России. Когда я разговаривал с представителями ФБР, я видел, что они прекрасно осведомлены о чудовищных долларовых кровопусканиях, о потоках, которые уходили из России и оседали в американских банках. Они были об этом осведомлены! Поэтому, если говорить о СМИ, то я понимаю, что их поведение — это обслуживание устоявшегося общественного мнения, по принципу «все на продажу», и конечно, целенаправленное формирование представлений о России. И это опять-таки заказ либо бизнеса, либо политики.

Итак, в качестве резюме. Естественно, мы хотим в Европейский дом. Я хотел бы, чтобы мой народ и я сам приобрели европейское лицо и очистились от варварства, от дикости и отсталости. Но я хотел бы, чтобы уважали достоинство нашей нации и наше стремление экономически и культурно себя обогащать, стремление к лучшему.

С.П. Капица

Сейчас я хочу дать слово Виталию Леонидовичу Тамбовцеву. Его выступление называется: *Восприятие России Западом: объективные основания субъективного недоумения.*

В.Л. Тамбовцев

Как мне представляется, выступления профессоров Шанина и Беляновой чрезвычайно важны для понимания восприятия России Западом. Описанная ими динамика такого восприятия — сначала надежды, затем разочарование и недоумение — требует своего объяснения. Если мы сможем это сделать, то сможем и понять, что же неладно у нас в стране, что мешает ей естественно войти в клуб развитых стран. Ведь вхождение в него по причине наличия у государства ядерного оружия вряд ли можно считать естественным.

Объяснение того, почему надежды и ожидания сменились разочарованием и недоумением, которое дал профессор Ясин, мне кажется чрезмерно упрощенным, бытовым. Конечно, страстная любовь сменяется обычно некоторым охлаждением, но для того, чтобы она переросла в недоумение и разочарование, нужно, чтобы предмет бывшей страсти оказался совсем не таким, как казался вначале. Что же у нас не так?

Я думаю, ключом к пониманию разочарования и недоумения может служить известная нам американская притча: «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?». Я утверждаю, что этот вопрос не мог появиться в России: в ней богатыми становились и становятся не умные, а сильные. Сильные либо сами по себе, частным, так сказать образом, либо сильные из-за близости к власти.

Ведь американское «раз умный, значит богатый» основано на идее предпринимательства. Умный — значит, способный составить новую ресурсную комбинацию и создать стоимость, получить прибыль. В России богатство зарабатывалось и зарабатывается не созданием прибыли, а присвоением ренты — продажей ресурсов, созданных не человеком-предпринимателем, а природой (или Богом, если кому-то так нравится думать). Напомню в этой связи и в подтверждение этой мысли те слова иностранных специалистов, которые привела Елена Белянова: «Как при таком изобилии ресурсов и квалифицированных работников вам удастся так плохо жить?» Объяснение как раз и заключается в том, что в России все это — вовсе не повод для роста благосостояния.

Но вопрос о том, богато ли общество и государство за счет ренты или за счет прибыли — это вопрос о системе правил, или институтов, которые в них сложились и действуют. Изменение правил требует усилий, прежде всего, со стороны государства. Понятно, что оно не будет прилагать эти усилия, пока власть имущим хватает ренты для нормального существования. И надо заметить, что в России её хватало для этого всю известную нам историю. Как только намечался некий дефицит ренты, Россия начинала прирастать — Сибирью, Дальним Востоком, Средней Азией, Кавказом...

Рентных ресурсов хватает и сейчас, правда, уже далеко не всему населению страны. Те, кому перестало хватать ренты, начинают пытаться производить прибыль, становятся предпринимателями. И вот тут-то

институциональная структура, отлично настроенная на присвоение ренты, и чиновники, сжившиеся с этой структурой (в неоинституциональной экономической теории это называется «эффект блокировки»), начинают их тормозить и подавлять: вспомните хотя бы динамику малого бизнеса за последние десять лет — она удручающая.

Из всего этого следует достаточно очевидный вывод: причины разочарования и недоумения Запада в нынешней России имеют под собой очень глубокие основания, вовсе не сводящиеся к некоторому охлаждению партнеров после медового месяца, как полагает профессор Ясин. Эти причины — интуитивное ощущение принципиального отличия базовых институциональных структур российской и западной экономик.

Я утверждаю, что это именно интуитивное ощущение, поскольку официальная позиция Запада по поводу российской экономики заключается, как известно, в том, что в смысле институтов рынка в ней почти все нормально. Так, некоторые мелочи не в порядке. А вот стабилизация, дефицит бюджета, инфляция и т.п. — здесь надо наводить порядок. С моей же точки зрения, все эти предметы вовсе не передают сути действительных проблем российской экономики, — незащищенности прав собственности и избытка препятствий на путях производительного соединения ресурсов.

Есть ли в сложившихся условиях основания для оптимизма? Мне кажется, что есть. Основное среди них — движение развитых стран к постиндустриальной стадии роста, означающее снижение относительной ценности первичных ресурсов. Ведь это означает неизбежное сокращение ренты, приходящейся на единицу присваивающего ее государства. И чем быстрее будут снижаться цены на такие ресурсы, тем вероятнее, что российские правители озаботятся изменением базовых экономических институтов, настройкой их на создание, а не на присвоение стоимости.

Фактором ускорения такого процесса будет служить и то разочарование, которое испытывает сегодня Запад по отношению к нашей стране. Ведь разочарование — форма санкции, предъявляемой нам по причине фрустрации, которую испытал Запад в связи с тем, что мы не оправдали его ожиданий, оказались не той страной, где «умный» — значит «богатый».

Поскольку наш клуб интересуют долгосрочные тенденции, думаю, что сегодняшние доклады были очень полезны для углубления понимания той ситуации, в которой мы находимся по отношению к развитым странам.

С.П. Капица

Спасибо, Виталий Леонидович. Ваше выступление было очень интересным. Вы задали тему для серьезного осмысления, которую, надеюсь, не обойдут вниманием наши экономисты и политики.

Сейчас мы прервемся на небольшой перерыв, после которого продолжим свою работу. Еще есть желающие выступить? Пожалуйста, Вам слово.

Каковкин Г. В.

Мне хотелось бы немножко повернуть наш разговор в другую сторону. Мне кажется, что сегодня каждый выступил с позиции своего предмета: политико-экономического, экономического, международного. Это, на мой взгляд, разговор абсолютно разных людей, непересекающихся, из которого ничего не следует. Почему ничего не следует? Все мы имеем какой-то опыт общения с иностранцами, и хотели бы, чтобы нас уважали, понимали. Это разговор бесконечный. Поскольку Никитский клуб — междисциплинарный клуб, то мне хотелось бы сказать вот что.

Чтобы говорить о восприятии России за рубежом, надо понять сам предмет, т.е. нас самих, каким образом мы хотим туда выйти. Можем или не можем мы его донести и что это за образ, какие у него характеристики, какие у него параметры? Вот это является серьезнейшей междисциплинарной проблемой. Проблемой очень многих людей. Мы хотим понравиться на Западе, но не знаем как. Является ли стремление понравиться на Западе самоцелью для России? Сегодня эти вопросы четко обозначены в дискуссиях, которые ведутся не за этим столом, а на вновь образованных кухнях. На этих кухнях сегодня в России все хотят понять, почему у нас ничего не получается, почему у нас ничего не получилось, почему мы не смогли понравиться? У меня есть свои ответы на эти вопросы, есть понятия, о которых я когда-то писал, есть вещи, которые осмыслены, но не это является предметом моего выступления сейчас. Мне просто хотелось, чтобы мы выступали не от какой-то дисциплины, а обсуждали конкретную проблему. Вот эта проблема, по-моему, расплылась, растворилась в нашем восприятии и личных впечатлениях.

А.В. Захаров

Позвольте несколько реплик в связи с последним выступлением. Мне кажется, что задача формулируется в нем в определенной степени «от противного»: сначала осознать, какой образ России мы хотим показать Западу, а потом с такой «домашней заготовкой» выйти «на люди». Не думаю, что такой подход может дать приемлемые результаты. Это первое.

И второе. На мой взгляд, данная дискуссия — это попытка самоидентификации России. Когда мы говорим о том, как наш образ видится там, то отнюдь не ставим цель кому-то понравиться. Мы пытаемся заглянуть в зеркало, чтобы ответить на вопрос: кто мы, куда идем и что делаем.

Нам очень важно понять, как мы выглядим со стороны. Не для того, чтобы кому-то понравиться, а чтобы самим стать лучше.

Это тем более важно, что, как говорилось в первой части дискуссии о том, что сейчас взгляды на Россию колеблются в весьма широкой амплитуде, начиная с «образа жертвы», как наследницы СССР, и заканчивая тем, что «современный образ нашей страны не обещает в будущем ничего хорошего», а посему современная судьба России ею вполне заслужена. Дальше следуют пояснения, почему именно: потому-де, что мафия и хаос — два базовых компонента, которые обуславливают восприятие России западным миром.

Я согласен с тем, что надо пробиваться к среднему общественному сознанию не только отдельно взятого западного государства, но и всего цивилизованного мира. В рамках программы «Окно в Россию» (я думаю, что наша дискуссия очень точно вписывается в рамки этой программы) важно найти точки соприкосновения не на высшем, а на среднем уровне, на уровне гражданина, обывателя, и начать серьезный длительный разговор, который нам поможет понять, как и из чего складывается современная система ценностей.

Но я не могу полностью согласиться с тем, что роль политика в этом так минимизирована. Приведу в пример Америку. В последнее время перед нами развернулись активные дискуссии в прессе по поводу отмывания российских денег, отношения к нашим банкам, к российскому бизнесу. Возникла даже философская проблема разочарования целой нации. Но ведь в этих дискуссиях был определенный политический подтекст, и «разочарование нации» произошло с подачи, в частности, участников политической гонки, которые планомерно пугали эту нацию «следами русской мафии». Но нужно отдать должное справедливости. Все схемы для отмывания денег были созданы там же, на Западе, высокопрофессиональными юристами.

Так что, если мы хотим изменить неблагоприятную ситуацию в России, лучше и полезнее вести речь о взаимодействии, а не о конфронтации.

В результате сбалансированного подхода не только Россия будет самоопределяться и становиться понятнее, но и Запад научится лучше понимать Россию.

С.П. Капица

После перерыва первым выступит Георгий Ильич Мирский. Тема его выступления: *Отношение американцев к России.*

Г.И. Мирский

После нескольких лет преподавания в американских университетах, поездок по США я пришел к выводу, что очень многое в нашем восприятии американской политики в отношении России основано на неправильных предположениях. Прежде всего это касается антизападного настроения и антиамериканизма, в первую очередь. Антиамериканизм — это понятие вечное и неистребимое, как антисемитизм, хотя они бази-

руются на разных корнях. С антиамериканизмом я сталкивался даже в среде людей, которые отдают своих детей учиться в американские колледжи. Они считают хорошим тоном «поливать» Америку, полагая, что было бы политически некорректно говорить что-то хорошее о США. Мне приходилось слышать тех, кто продолжает упрямо говорить: «Америка хочет добить Россию». Как вы понимаете, исторических корней для неприязни не было. Не было с США никогда того, что можно назвать наследием крови, как с немцами, поляками, турками. Американцы к русским всегда относились хорошо, всегда помогали России.

Когда я был ребенком во время войны, я, может быть, умер бы с голоду, если бы не американская помощь (можно вспомнить ленд-лиз и многое другое). Даже в те времена американцы всегда делали различие между народом и совершенно законной неприязнью к нашему руководству. Это зеркальное отражение нашего отношения к триаде «ЦРУ, Пентагон и Уолл-стрит» наряду с симпатией к американцам. Точно также в глазах американцев Кремль, КГБ олицетворяли наши худшие черты, а к русским отношение было всегда хорошее. Было уважение к СССР и страх перед ним. Сейчас нет ни того, ни другого. Вернее страх есть, но несколько другого рода.

Что сейчас доминирует в отношении американцев к нам, так это сочувствие. Мне приходилось со многими людьми разговаривать, начиная от профессоров и кончая водителями в университетских автобусах. Многие не понимают, как же такая страна, с таким колоссальным резервом всего, с такой богатой культурой, такими талантливыми людьми дошла до такого состояния.

Американцы — прагматики, люди реалистически мыслящие. Я помню, профессор Мэтлок делал литературный упор во взгляде на эту проблему. Он говорил, как же так, такая страна, которая дала миру Толстого, Чехова и т.д., как же? Другие говорили, смотрите на японское чудо. Ничего не имея, будучи разгромленной, Япония смогла встать на ноги, так неужели Россия не сможет?! Исходя из разных предпосылок, все люди выражали искреннее недоумение и сочувствие. Даже иногда попадаешь в ситуацию, когда американцы утешают тебя и говорят, что не все так плохо, что у них тоже была мафия, что со временем будут нормальные уважаемые бизнесмены, капиталисты. Не расстраивайтесь особенно, у вас все еще наладится. Но я знаю людей, которые скажут, одно дело профессура, а что американцы, делающие политику, может, они, действительно, все-таки хотят нас добить? Неверно. Американцам хотят приписать две мотивации: геополитическую и экономическую. Первое — это то, что они не могут терпеть Россию, как сильную великую державу. Второе — что Россия будущий конкурент. И то и другое неверно.

Что касается сильной великой державы, то совершенно правильно недавно написал Томас Фридман: «Мы не боимся, что сильная Россия сбросит на нас бомбы, мы боимся, что в слабой России ракета свалит-

ся с грузовика и потом окажется где-нибудь в Ираке». Дело в том, что у американцев — сегодня об этом уже было сказано — развеялись прежние представления о том, что большевики все испортили, испохабили, и стоит их свалить, как воспрянет здоровая, прекрасная, чудесная Россия. Все это оказалось не так. Никто не забывает, что атомная бомба в России все-таки есть, и на вопрос, чего же надо бояться в дальнейшем есть ответ: шовинистской диктатуры. Американцы боятся подъема национализма. Год назад на одной из конференций я встретился с человеком, который придумал фразу: «Национализм — как высшая и последняя стадия коммунизма».

Я это вспоминаю в связи с тем, что, по словам многих американцев, в последние годы правления советская власть была не так уж страшна и опасна. Сидели дряхлые люди, которые могли иногда какую-нибудь глупость выкинуть (в Афганистан вошли), но все-таки были осторожны. А вот если какой-нибудь молодой диктатор-националист захватит Кремль и поведет за собой массы народа, кто может знать, что случится. Это может произойти, когда такого диктатора призовет слабая, униженная, обозленная Россия, расчлененная или находящаяся под угрозой распада. Вот что страшно. Уже исходя из этого, понятно, что самую большую опасность для политиков — я не говорю об общественности, которая мало что знает и понимает, — представляет именно ослабленная, расшатавшаяся, отчаявшаяся Россия, где возможны какие угодно варианты. Конечно, находятся люди, которые призывают к расчленению России. Мне тут же напомним Бжезинского. Я лично с ним был знаком. Но не надо его переоценивать. Он один из многих тысяч американских политологов и то, что он занимал высокий пост, не говорит о том, что он нашептывает свои мысли американскому президенту. Взгляды его отражают взгляды меньшинства американских политологов. Как правило, к ослаблению, колониционному расчленению России никто не призывает.

Если говорить об экономической стороне вопроса, о том, что они видят в нас конкурента, которого надо заблаговременно ослабить до такой степени, чтобы мы никогда не подняли головы, не встали на ноги и никогда не представляли угрозу американской экономике, то это просто смешно. Кто сейчас может видеть в России конкурента, когда ее бюджет равен бюджету штата Нью-Йорк?

Если же говорить о долгосрочных перспективах, то это опять какая-то аберрация. У нас привыкли с советских времен думать, что существует какой-то генеральный штаб империализма в Вашингтоне, который планирует все на 100 лет вперед, какую политику вести, кого усилить, кого ослабить. Ничего подобного. Практические политики в Госдепартаменте США уделяют мало внимания проектам, которые рисуют в институтах политсценариев. Главное дело политиков — это обслуживать существующую сегодня администрацию на данный период, на эти

4 года, не подвести ее, не способствовать такому положению, когда можно сказать: а кто потерял Китай, Россию?

Если говорить об экономике, я представляю, что в Америке могут быть бизнесмены, которые озабочены тем, что через 50 лет Россия будет для них конкурентом, но не эти люди делают стратегическую погоду. А вот то, что 150 млн. — огромный потенциальный рынок в России — эта экономически выгодная сторона интересует США. Россия как заманчивый перспективный рынок сбыта должна иметь какой-то уровень благосостояния, т.е. она должна быть единая, сильная, политически стабильная, процветающая. Трудно представить Россию как сильного экономического конкурента. В этом смысле политика США будет строиться прагматически.

Здесь говорили: нехорошо, что они поддерживают любой наш режим: Горбачева, Ельцина, Путина. Но это естественно, потому что все-таки какая-то стабильность. Говорят, что они виноваты сами, положив все яйца в одну корзину: сначала горбачевскую, потом ельцинскую. А в какую же еще? Там же понимают всю авторитарность нашего режима. Вы хотите, чтобы они, когда президентом был Ельцин, делали ставку на Явлинского, что ли? Так и сейчас будет. Они обрадовались, что, может быть, Путин какую-то стабильность привнесет, и ситуация станет нормальной. Вот Чечня — это для них совершенно жуткая картина, здесь трудно договориться. Я слышал, как один бизнесмен в Нью-Йорке сравнивал китайцев и русских: «Китайцы для нас люди с другой планеты, мы не понимаем, как у них голова устроена. Русские совершенно наоборот. Они интересные, веселые, компанейские, и, в общем-то, европейцы. Но в деловых отношениях мы всегда предпочтем китайцев, с их обязательностью, дисциплинированностью, аккуратностью. А с русскими не поймешь, когда он врет, когда правду говорит, сдержит слово — не сдержит, подведет — не подведет, непонятно».

В заключение хочу сказать, что меня очень расстраивает этот возникший на голом месте антиамериканизм, наследие того двойного комплекса, который существует в русском народе по отношению к Западу. С одной стороны, неполноценности, с другой — превосходства. Плюс настроение советских времен. Как товарищ Сталин говорил: «Любой советский человек на голову выше высокопоставленного чинуши, влачащего на своих плечах ярмо капиталистического рабства». Все это вместе взятое дает какую-то странную смесь в нашем менталитете, которая позволяет очень легко (вспомним, например, Югославию) возбудить этот антиамериканизм.

Разумеется, американцы стараются закрепить в стратегически и экономически важных регионах в СНГ (Закавказье, Центральная Азия), и здесь наши интересы неизбежно сталкиваются. Но это, безусловно, нарастающее противоречие смягчается пониманием того, что обе державы заинтересованы в борьбе против международного терроризма,

наиболее ярко проявляющегося сегодня в деятельности радикальных исламских движений.

Самым убедительным аргументом в пользу поддержки нашей официальной позиции по Чечне, например, является ссылка на то, что нам в Чечне противостоят «люди Осана Бен-Ладана». Нет американца, который бы не слышал об этом организаторе террора. В то же время методы действий наших военных в Чечне вызывают вполне понятное возмущение в Америке, и чеченская проблема крайне негативно влияет на имидж России в Соединенных Штатах.

С.П. Капица

Какие будут вопросы к сообщению Георгия Ильича? Он говорил о субъективных настроениях, лежащих в глубине явлений, которые мы рассматриваем.

Л.М. Григорьев

Георгий Ильич, мы не противостоим США как держава, но я все время подчеркивал, что, действительно, там нет империалистического заговора, но есть простая вещь. У каждой конкретной российской экспортно-импортной отрасли есть абсолютно конкретные конкуренты. Как только мы спускаемся с уровня держава-держава на регион-регион или на уровень отрасли, тут же разлетается эта простота отношений.

Г.И. Мирский

Это все верно, но я не думаю, чтобы компания, которая производит фарфоровые зубы, обладала бы большим влиянием на Госдепартамент. Конечно, автомобильная компания — сильная компания, но я не думаю, чтобы она организовала по всей стране такое мощное лобби и смогла усилить неприязнь к нашей стране. Да, она не хочет развития автомобильной промышленности в нашей стране, но смешно думать, что в России не будет автомобильной промышленности. Она будет и в Китае, а они имеют дело и с Китаем.

Если так рассуждать о совокупном влиянии всех этих фирм, как же тогда они имеют дело с Европой, где все есть, где в 1000 раз больший потенциал и действительно угрожающие им конкуренты растут. Они с ними нормально сотрудничают, и никто не призывает и не думает лоббировать правительство, чтобы как-то зажать Францию или Германию на основании того, что там что-то производится. Как ни спускайся на грешную землю, где ползают эти компании, о которых Вы говорите, но гораздо более сильная мотивация — это то общее, о чем я говорил.

С.П. Капица

Прошу выступить Алексея Дмитриевича Воскресенского с темой: *«Восприятие России на Востоке и Востока в России. Подходы к взаимодей-*

ствию России со странами Востока. Нам пора отвлечься от Америки и Европы и повернуться к самой, на мой взгляд, динамичной части современного мира.

А. Д. Воскресенский

В выступлении Теодора Шанина четко прозвучало, что есть разный Запад. А теперь представьте, что мне нужно поговорить о том, как Россию воспринимают на Востоке. А Восток — это еще более расплывчато, чем Запад. Какой Восток? Часть Африки, где ВВП в три раза меньше на душу населения, чем в России? Или страны Востока, в которых ВВП на душу населения на порядок больше, чем в России? Или бывшая часть СССР, которая тесным образом связана с Россией культурно? Я постараюсь структурировать свое изложение таким образом, чтобы сначала вычленил, как мы воспринимаем Восток, а потом наоборот.

Сегодня есть два крупных общественно-политических течения в восприятии Востока.

Первое течение очень близко к западному. Здесь исходят из следующего: Восток — это некоторая общность, в которой существуют мощные централизованные структуры управления, которые возникли не на основе частной рыночной собственности. Во-вторых — это некая общность, где отсутствуют нормы права, защищающие частные ры-

Ж. Клуб

Никитский

Фото Л. Панкратовой

А.Д. Воскресенский

ночные отношения, подобные римскому праву на Западе. В-третьих — это общность, где превалирует общинно-государственная форма ведения хозяйства, с вытекающими отсюда консервативной стабильностью, традицией. В-четвертых — это общность, где не общество доминирует над государством, а наоборот, и соответственно в обществе возникают некие альтернативные структуры, которые, с одной стороны, противостоят государству и обеспечивают автономность существования общества (семья, клан, община, каста), а с другой стороны, вписаны в эту госструктуру. Я приведу слова одного нашего ученого, не называя его имени, которые очень четко выражают эту точку зрения: «Если с Западом и западной культурой ассоциируется объективность, аналитичность, логичность, интеллектуальность, монотеизм, мужественность и т.д., то с восточной культурой ассоциируется алогичность, синтетичность, субъективность, эмоциональность, политеизм, женственность».

Второе течение. Востоку присущи: многоукладность, разные типы ведения хозяйства, межформационные периоды. Это такая неомарксистская или даже марксистская теория, которая, тем не менее, четко отражает представления, связанные с Востоком. Востоку присуще сопротивление тому, что Бродель называл полудивизациями — отсюда наблюдаемая цивилизационная гетерогенность. Для компенсации этой цивилизационной гетерогенности и этнической пестроты, свойственной Востоку, нужна гипертрофированная роль государства и религии, чтобы осуществлять централизующую, цементирующую, унифицирующую функцию. И последнее, что связано в значительной степени с марксистскими и неомарксистскими теориями — на Востоке наблюдается неоднородность, неоднозначность и анклавность развития того, что называют капитализмом.

В восприятии России на Востоке можно выделить две крупные группы. С одной стороны, восприятие России как западной страны, с другой — России, близкой по определенным характеристикам Востоку.

Первая группа восприятия основана, условно говоря, на неких современных модернизационных параметрах. Россия — большая страна с большим населением — это хорошо. Здесь много ресурсов, высокий уровень образования — это тоже хорошо. В России хорошая система образования в отличие от многих восточных стран. Это достаточно модернизированная страна. (Я хорошо помню одного высокопоставленного китайца, который оказывал услуги аналитика-консультанта на самом высоком уровне. Он ходил по Москве, смотрел на все и говорил: «Да, нам нужно больше модернизировать, чем вам»). Россия — это хорошо вооруженная страна, и это хорошо для стран Востока. Это страна со своей собственной, отличной от других, внешней политикой.

Вторая группа восприятия связана с традиционной общностью России со странами Востока. Это большая этническая и религиозная пестрота, что отмечают все представители восточных стран. Это богатая история, связанная с историей Востока. Это относительная нейтральность России к тому, что называется колониальным периодом, что для некоторых восточных стран чрезвычайно важно, общие или сходные культурные традиции. Наличие централизованного государства, авторитарных тенденций, традиционная гетерогенность и цивилизационная восприимчивость, сопротивление наличию мощных традиций, определенный фатализм. И еще одно сходство — неоднородность развития. Наличие общих с Востоком проблем — это попытка найти свой путь развития.

Восток в значительной степени воспринимает Россию как часть Европы, но считает, что это отличная часть, это не европейский мир. Не совсем европейский мир. И в частности, тот европейский мир, который лучше понимает Восток, чем чистая Европа, благодаря своей цивилизационной гетерогенности, восприимчивости и т.д.

Какой практический вывод из этого следует?

Первое. Мне очень импонирует точка зрения (она здесь уже прозвучала), которая в свое время была очень выпукло сформулирована академиком Лихачевым. Он говорил, что нельзя рассматривать Россию в дихотомии «Восток-Запад». Ее надо рассматривать с точки зрения дихотомии «Север-Юг». Здесь понятно, куда нужно стремиться, согласен. Но не использовать положительные моменты, которые связывают Россию с Востоком, — по меньшей мере, глупо!

Второе. Россия все-таки воспринимается на Востоке как высокотехнологичная, высокообразованная страна, хотя катастрофически быстро утрачивающая эти качества. Если говорить о приоритетах, то очень важно сохранить этот статус, в нем очень много того, что даст еще больше в будущем.

Третье. Многие в странах Востока и в странах Запада считают, что Россию можно использовать в своих целях. Это и страны Ближнего Востока и Индия, Китай и др. Почему бы нам не воспользоваться этим обстоятельством? В частности, продавай оружие и вкладывай деньги, не вывозя их куда-то, а вкладывай в определенные сферы. Тогда, кстати, это будет понятно и на Западе.

Теперь два слова по поводу подходов к определению самой проблемы восприятия. Есть две группы. Первая — то, что можно условно назвать *интерпретационными* подходами. В этом мы в России очень сильны, и круглый стол подтвердил это блестящим образом. Здесь система координат зависит от системы ценностей (к примеру, историко-интерпретационный, историко-сравнительный, историко-аналитический и другие подходы).

Вторая группа подходов — условно назовем их *структурными*. Связаны они с тем, что существует попытка разорвать систему координат и систему ценностей (к примеру, функциональные, системные, структурные подходы, конструктивизм и деконструктивизм, теории среднесрочной перспективы и пр.). В этих подходах традиционно мы достаточно слабы.

Есть целая группа *интегрированных* подходов, переходных между двумя первыми (например, концепция «буферных зон», культурно-структуралистические подходы, пр.), где у нас очень хорошие наработки, есть исследования, хотя близкие все-таки к интерпретационной группе.

Что из этого следует практически? Во-первых, восприятие России другими и, наоборот, восприятие Россией себя — очень актуальная мировая тема исследований со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые, во-вторых, имеют прикладное значение. Не имея такого рода исследований, трудно вписаться в мировую систему взаимоотношений.

Структурированные подходы мне кажутся важными еще и потому, что они дают возможность внешнему политику рисовать образ страны, определять этот образ. В первой части круглого стола была затронута такая проблема: Теодору Шанину был задан вопрос о фрагментарности образа, и он, в общем, уклонился от ответа. Сложилась такая картина: был целостный образ Советского Союза — и положительный и отрицательный. Положительный — большие достижения в науке, образовании, варили сталь и т.д. И образ отрицательный — лагеря, авторитаризм, милитаризм и пр. Советский Союз распался, произошла общая дефрагментация образа. И сложился целостный, очень четко воспринимаемый на Западе (и Шанин это подтвердил, крайне выпукло сформулировал) только отрицательный образ. А вот положительный — он дефрагментирован, он непонятно какой. И правильно был задан вопрос о том, что, собственно, делать, и что нам любить или с чем бороться, и как правильно поступать? Структурированные исследования дадут ответ на такие вопросы, если ими будут заниматься. Это задача, как я понимаю, нашего круглого стола.

С.П. Капица

Вы очень хорошо поставили сложный круг вопросов. Мне всегда казалось, что Восток (я не много, конечно, могу сказать о нем) в цивилизационном плане по определенным признакам обошел Запад. Это может звучать парадоксально, но взять хотя бы ту же проблему прав человека. На Западе обязанности человека не ставятся во главу угла по сравнению с правами. На Востоке как раз наоборот: права человека возникают из его обязанностей по отношению к обществу. Я думаю, что эта точка зрения заслуживает гораздо большего внимания, чем она обычно имеет, когда мы становимся на чисто западную точку зрения. Какие будут вопросы к Алексею Дмитриевичу?

Вопрос из зала

У меня возникло некоторое противоречие. Георгий Ильич привел такой пример: американцу с русским интересно обсуждать философские проблемы, но гораздо бизнес лучше вести с китайцем, потому что тот гораздо более четок и соответствует понятию бизнесмена. А с другой стороны, Вы дали определение Востока: субъективизм, алогичность, примат общественного перед индивидуальным, размытость понятий частной собственности. Образ Востока, как чего-то такого, что не очень согласуется с понятием бизнес-отношения в современном мире. Вместе с тем, мы наблюдаем, что тот же Китай, азиатские страны прекрасно начинают вписываться в мировую экономику, чувствуют там себя совершенно нормально. Не кажется ли Вам, что здесь противоречие?

А.Д. Воскресенский

Я думаю, что тут все очень хорошо складывается. И когда я приводил эту цитату, я говорил только об одном восприятии, а потом я говорил о другом восприятии Востока. Они в значительной степени друг другу противоречат. Это раз. Вы понимаете, стереотипы — это вещь, которая *делается*. Все нормальные страны этим профессионально занимаются, включая восточные страны. Восточные страны — в значительной степени, во всяком случае, многие из них, если оперировать таким расплывчатым понятием «Восток-Запад». Например, это великолепно сделали японцы, это удалось сделать тайваньцам, это очень хорошо сделали корейцы. Мне кажется, что это ответ на Ваш вопрос, хотя и не прямой. До того, как Китай проводил реформы, говорили: почему у Китая так плохо? Потому что Китай — конфуцианская держава и цивилизация, потому что эти конфуцианские культурные начала тормозят развитие реформ, капитализма, открытости экономики и т.д. А что сегодня говорят? Сегодня говорят: реформы в Китае развиваются, потому что Китай — это конфуцианская держава и очень хорошо применяет эти принципы конфуцианства. Ответ каков? Умейте это использовать. И имейте технологии, которые позволят вам это сделать.

С.П. Капица

Русская философия: взгляд с Запада — слово Наталии Сергеевны Автономовой.

Н. С. Автономова

Общего взгляда на русскую философию на Западе не существует, как не существует и единой русской философии. Прежде всего — несколько слов о терминах. Русской философией обычно называют дореволюционную (и отчасти послереволюционную эмигрантскую) религиозную философию. Применительно к нынешнему состоянию дел речь «политкорректно» может идти лишь о «русской философии» или

философии в России. Наконец, учтем и то, что никакого единого Запада тоже не существует: между континентальной и островной Европой, между Европой и США и пр. имеются постоянные, устойчивые, подчас трудно обсуждаемые разногласия. Мне не известны современные западные философы, которые из профессионального интереса изучали бы русскую философию (Бердяев, например, для них не философ, а интересный эссеист). Больше внимания к русской мысли проявляют те, кто связывает ее с литературой, искусством.

По поводу русской философии возникает много вопросов: можно ли считать ее философией в европейском смысле слова? Как быть с характерным для нее подчинением разума внерациональному авторитету, с опорой на интуицию (а не на анализ), с акцентом на «всеединство» и прочим? Все это сильно отличается от магистральных установок западной философии и плохо поддается выражению в понятиях. Конечно, русисты и слависты, а также теологи (в Германии, Швейцарии, отчасти Франции) занимаются В. Соловьевым, П. Флоренским, В. Эрном и многими другими представителями русской философии. Юбилей В. Соловьева — быть может, наиболее «западного» из всех русских философов — будут отмечать в этом году не только в нашей стране, но и в Западной Европе, где существуют общества по изучению его философии.

При этом мало кто во Франции, например, вспоминает о том, какой большой вклад в формирование современной французской мысли внесли выходцы из России — Александр Койре (1892-1964) и Александр Кожев (А. Кожевников) (1902-1968). Оба они изучали философию в Германии, а потом переехали во Францию. Койре был историком науки и философии. Кожев знаменит, прежде всего, своим спецкурсом по «Феноменологии духа» Гегеля в Сорбонне, где среди его слушателей были такие выдающиеся (впоследствии) деятели французской культуры, как Раймон Арон, Жорж Батай, Пьер Клоссовски, Жак Лакан, Морис Мерло-Понти, Жан-Поль Сартр и др. Все его слушатели испытали влияние этого прочтения Гегеля, опиравшегося на идею конца истории, диалектику раба и господина, проблему несчастного сознания, впоследствии ярко разрабатывавшиеся Ж. Батаем, Ж. Ипполитом, Сартром в «Бытии и ничто» и Лаканом. Психоаналитическая концепция вообще немыслима без Кожева.

Мало кто вспоминает и о том, что русский филолог Роман Jakobson является, по сути, первооснователем французского структурализма 1960-70-х годов. Начав свой научный путь в 1910-е годы в Москве, продолжив его в 1920-е годы в Праге и затем уже в 1950-е годы в Гарварде, Jakobson во время войны (1943) в Нью-Йорке встретился с К. Леви-Строссом и тесно сотрудничал с ним. Идея бинарных оппозиций и фонемы как пучка дифференциальных признаков, легшая позднее в основу методологии французского структурализма, — это результат прямого влияния Jakobsona на Леви-Стросса.

Меня часто спрашивают: ну как «они там» (в Париже) относятся к нам? Знают ли наших, ну хотя бы Мераба Мамардашвили (время от времени он вел в Школе высших исследований по социальным наукам в Париже небольшой семинар)? Отвечу так: философы Мамардашвили не знают; знают некоторые слависты. Во Франции была переведена его книга «Картезианские размышления», но она продавалась с трудом. Была попытка привлечь Деррида к написанию вступительной статьи, а потом — отзыва на эту книгу, но ничего из этого не получилось. Правда, прекрасный отзыв о книге написал знаменитый исследователь античности Жан-Пьер Вернан, назвавший Мамардашвили грузинским Сократом — из-за физиогномического сходства (у обоих были скульптурно вылепленные лысые черепа), а также их устной философии, не дававшей современникам спать спокойно. Вернан хорошо знал советскую ситуацию и потому понимал все значение Мамардашвили для «советских» и «россиян». Большинство французских читателей ее не знает, а потому спрашивает: так чем же это было так важно для вас?

Людей моего поколения Мамардашвили потрясал своими лекциями о Канте, Декарте, Гуссерле, Фрейте, в которых он трактовал их мысль без обязательного тогда ее перевода на язык марксистских понятий. Однако во Франции, где базовое философское образование обязательно даже для школьников (независимо от их специализации), спокойное, достойное, неидеологичное знание обо всех этих фигурах совсем не экзотично. Впрочем, сейчас оно стало гораздо менее экзотичным и для наших школьников. Одна из моих французских коллег и друзей, философом не ставшая, но сохранившая впечатление о школьных занятиях философией на всю жизнь (ее педагогом была Сара Кофман, известная исследовательница, впоследствии автор многих книг), не раз говорила мне о том, как много сходных тем она находила у Кофман и Мамардашвили. В целом все же приходится отметить, что во Франции внимательно разбираться с феноменом Мамардашвили некому — русистам не под силу, а профессиональным философам недосуг. Насколько я знаю, из французских философов Мамардашвили общался (письменно и иногда — лично) лишь с крупным французским марксистом Луи Альюссером.

Нет какой-то единой позиции Запада и по отношению к современным процессам в российской философии. Наиболее продуктивные и стабильные отношения с Западом были в советский период и продолжают в постсоветское время у представителей «философии, методологии и логики науки» — области, наиболее удаленной от идеологии. Недавно вышел очередной том «Бостонских исследований по философии науки», целиком составленный из работ российских авторов.

Современную культурную ситуацию в философии я вижу как кризисную, но продуктивно кризисную. Это связано с отказом от марксистской догмы и с отсутствием новых сильных подходов, с необходимостью выработки философского языка — существующего, но не доста-

точно развитого — и умения мыслить. Так вот, как раз философия, логика и методология науки за этот кризис не в ответе: они фактически выступают как фон, на котором играют другие протагонисты.

Нынешняя ситуация характеризуется беспрецедентной открытостью российской философии по отношению к Западу, а также открытостью к своему собственному прошлому. После открытия всех шлюзов на российский рынок хлынули — вне всякой логики и хронологии — потоки литературы, которые не успевают войти ни в публичные дискуссии, ни в концептуальную работу. Два главных новых потока — это русская религиозная философия и современная западная философия. В течение советского периода русская религиозная философия была вовсе недоступной, а современная западная философия проникала к нам лишь фрагментарно, причем, в переводе на язык марксистских понятий. Теперь — все иначе: в русской философии ищется своя традиция, в современной западной философии — язык для описания текущих процессов. Однако мало что из этого получается, так как привычки и умения ответственно обращаться со словом и понятием у нас как не было, так и нет. Раньше способом борьбы с догмой был эзопов язык, посредством которого можно было даже таким жестким словом, как «партийность», заставить значить нечто более мягкое (например, «частичность», ограниченность). Теперь к этим эзоповским экспериментам добавились постмодернистские игры ради игры (точнее — ради победы над самим «тоталитарным» языком). В итоге в философских текстах по-прежнему господствует метод случайного цитирования, только цитаты берутся уже не из Маркса, как пятнадцать лет назад, а либо из Бердяева, либо из Деррида.

Поиски партнерства и контактов с Западом, от которых мы теперь так зависим, сопровождаются поисками самоидентичности. Наиболее обычными являются два полярных подхода — акцент на своей специфике и акцент на (псевдо)тождестве с Западом. В реализации обоих подходов есть и высокие образцы, и массовая продукция.

На Двадцатом всемирном философском конгрессе в Бостоне (1998 г., август) среди российских заявок (опубликованных в виде препринтов) количественно преобладали те, в которых подчеркивалось своеобразие российской мысли и одновременно — значимость универсальных проектов («качественно новой концепции человека в масштабе планетарных взаимосвязей»).

Среди тем были, например, такие: «нелинейная пульсирующая эволюция Вселенной как основа построения новой парадигмы» философии; синергийность, понимаемая как «со-энергийность имманентных и трансцендентных потенциалов личности»; «планетарно-космический феномен пульсирующего бессмертия личности» и др. Видное место занимала национальная идея и вытекающие из нее формы специфического

понимания философии: трехчленная типологизация мировой философии (западная, восточная и русская); отказ от опоры на периодизацию западной философии как неактуальной для понимания русской философии; акцент на теонии как образе философствования, противоположном западному, автономному; выдвижение на первый план особого религиозно-философского акта, соединяющего смирение и творческую интуицию; «новая феноменология духа», в которой, в отличие от Гегеля, дух выступает как неустранимое свойство материи; «соборная феноменология» и др. Религиозная тематика была представлена, например, такими заявками: концепция «верующего разума»; идея «любящего разума» и любви как эвристического принципа; история первых лет советской власти в свете идей Апокалипсиса (Откровения Иоанна Богослова); духовная сущность философии, направленной, начиная с античности, на подготовку к восприятию Христа, а затем — на постижение действий Бога в мире; поиск научной истины как непреложный путь к Богу и др. Немало было ярких образцов эклектики: например, концепция пантеизма, основанная на идеях квантовой механики, Геделя и психоанализа; анализ нерелексивных форм познания (на основе первобытной магии, древнекитайской мантики и средневековой европейской мистики) и пр.

Представителей противоположной тенденции, так или иначе подчеркивающих свое тождество с Западом, на конгрессе было мало; они обычно предпочитают общаться с западными собеседниками на своих локальных тусовках. Установка на своеобразие в пределе приводит к тезису о том, что «иконы и Достоевский» — это лучшие образцы русской философии (но как тогда отказать в статусе философов Бальзаку или Флоберу?). Установка на тождество предполагает, что можем говорить на равных, скажем, с любым западным постмодернистом, в чем-то даже «опережая» его и фактически отвлекаясь от того, что российская социальная жизнь относится в целом к эпохе «прото-модерна», а вовсе не «пост-модерна». В этом последнем случае взаимная любовь есть, но она фиктивна, поскольку основана на несоизмеримых предпосылках рассуждения. Впрочем, Западу обе эти установки нравятся: первая развлекает экзотикой, вторая успокаивает похожестью.

Однако суть нашей «идентичности» и соответственно наш собственный культурный интерес, как я их понимаю, иные. Как проартикулировать ощущение того, что «мы похожие, но отличные»? Ведь эти отличия не есть нечто вторичное и предсказуемое, и если выразить их общезначимым образом, они станут не только эстетической ценностью (свои художественные способности Россия уже многократно доказала), но и концептуальным приращением, вкладом в общечеловеческую копилку мысли. Натужный акцент на своеобразии не будет культурно продуктивным: то в нашем своеобразии, что достойно выражения, лучше выра-

зится при движении к взаимопониманию с другими. Если раньше мы мало учились языку и навыкам мысли, предпочитая видеть искомые синтезы там, где густели лишь недорасчленившиеся синкретизмы, то теперь на очереди «нормальная» общеевропейская работа — со словами, понятиями, трудностями перевода и взаимопонимания между разными языками и культурами, между традициями и подходами. Наверное, вписывать себя в европейские традиции мысли и концептуальной работы с языком нам труднее, чем западным европейцам, но легче, чем представителям других культурных регионов (скажем, Африки или Дальнего Востока). Важной частью современной работы в философии является перевод и рефлексия над переводом, работа с текстами при обучении философии, выработка умения отделять содержание сказанного в тексте от привносимых читателем установок и эмоций. Хочется надеяться, что все эти виды работы, связанные с развитием русского философского языка, будут способствовать формированию гражданского, правового сознания, а в конечном счете — социальной модернизации в современной России.

С.П. Капица

Вы затронули очень сложную тему. Я немножко пересекался с западной философией. По-моему, она находится в сильно запутанном состоянии, и постмодернизм этому способствовал. Американский физик-теоретик Сокол написал статью о герменевтике и социальных последствиях теории квантовой гравитации и отнес ее в самый авторитетный американский журнал, который ее трижды прорецензировал и опубликовал. В тот же час, когда она вышла, в «Нью-Йорк Таймс» появилось сообщение о том, что вся эта статья — набор ученых слов и чистая галиматья, хотя там есть ссылки на всех философов, великих физиков и написана она наукообразным языком. Цель состояла в том, чтобы продемонстрировать пустоту современной постмодернистской философии, что Соколу с успехом удалось сделать. Это, по-моему, только демонстрирует кризисное состояние многих глав современной философии — то, о чем Вы сказали. Поэтому, кто кого будет учить — мы их или они нас — это еще надо увидеть.

А.В. Захаров

Позволю себе один вопрос. Действительно ли в России нет философского языка, понятийного аппарата, на котором Россия может внятно изъясняться? И второе. Вы сказали, что у нас система обучения строилась на литературном центризме. Надо ли это понимать так, что на Западе, напротив, она строилась на философо-центризме? Надо ли понимать, что нам необходимо выстраивать какие-то новые тенденции в образовании, в общественном сознании, и как это может в будущем изменить наши отношения с Западом?

Н.С. Автономова

Спасибо, много хороших вопросов. Сразу отмечу: я говорила заостренно и чтобы было понятно, о чем идет речь, а в любом обобщении есть огрубление. Разумеется, русский философский язык существует. Переводы философской литературы были и в XVIII и в XIX веках, прекрасные переводы философской классики были сделаны в советское время. Речь идет не об отсутствии философского языка, а его недостаточной разработанности. И в самом деле: каким может быть русский философский язык, если вся домарксистская и пост(вне-, анти-)марксистская философия могла транслироваться только в рамках марксистской системы понятий? Марксистский язык изощрялся в гибкости и, действительно, многое мог под пером умелого ритора. Однако многие направления западной гуманитарной мысли и философии, хорошо стартовавшие в России в начале XX века (психоанализ, феноменология), не могли быть в нем проработаны и потому фактически отсутствовали на советской интеллектуальной сцене между 1930 и 1990 годами.

Насчет философо-центристского и литературо-центристского образования. Я хотела тут лишь подчеркнуть — на основе моего опыта — что иметь в качестве главного экзамена на аттестат зрелости сочинение по литературе (как в России) или диссертацию (рассуждение) по философии (как во Франции) — это очень разные вещи. Они требуют разной подготовки (литературу во Франции тоже проходят, только совсем иначе, чем в наших школах — обязательных текстов меньше, но зато требования к их анализу гораздо выше). Я уверена, что раннее обучение философии и вообще умению мыслить влияет на формирование гражданского сознания, социальной позиции и проч. Верно, что и ранняя «рациональная» работа с текстами вовсе не избавляет нас сейчас от бездны иррационального, несистематичного в современной французской философии. Да, это так, но это — «их дело», это их заумно-эстетическая реакция на долгое господство рациональных схем, реакция, кстати сказать, маргинальная, не сокрушающая основной пласт разработки философской работы. В России все не так: сейчас массовое подражание французским литературным экспериментам нам не ко времени, у нас есть более актуальные задачи — прежде всего, учиться мысли и вырабатывать язык, пригодный для ее сбережения, продвижения, фиксации.

С.П. Капица

По-моему, нам продемонстрировали очень высокое состояние нашей философии. Я благодарю Наталию Сергеевну за выступление. Кстати, колоссальную роль в Америке сыграл Питирим Сорокин. Это не совсем философия, это социология, и он считается одним из создателей американской социологии. К вопросу о философии: сохранять

ли экзамен по философии в кандидатском минимуме в прошлом году превратился в колоссальную дискуссию. Необходимо сохранять какой-то культурный уровень, иначе мы все выродимся. Это вопрос образованности нашего следующего поколения кандидатов, в какой бы области они не работали. Перейдем к дискуссии. У Вас вопрос?

Реплика

Позвольте, Наталья Сергеевна возбудила меня вспомнить...

С.П. Капица

Наталья Сергеевна многих возбудила.
(Смех в зале)

Продолжение реплики

...сентенцию Пушкина относительно французской философии, по крайней мере, одного из представителей. Он говорит: «Мальчишка Руссо, не одержавший ни одной победы, вообразивший, что революция установит вечный мир, тогда как устранение вражды между народами потребует, по крайней мере, тысячу лет».

С.П. Капица

Пушкин, как всегда, прав.

Н.С. Автономова

Тот же Пушкин говорил, что у нас, к сожалению, нет метафизического языка, и «хорошо бы нашей прозе галльскую ясность и прозрачность приобрести».

Реплика

А Пушкин — более философ, чем многие философы. Представьте нашу школу с нашей литературо-центричной программой, переходящей к французской методе. Образ Салтычихи: 1-й пункт — Салтычиха. 2-й пункт — можете ли вы улучшить ее работу с крестьянами и т. д.
(Смех в зале)

С.П. Капица

Я предоставляю слово академику Владимиру Степановичу Мясникову.

В.С. Мясников

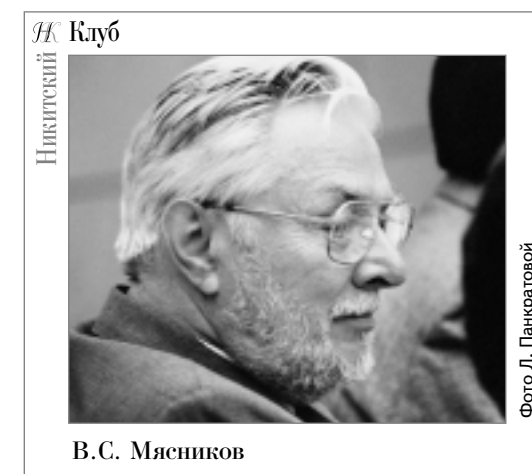
Я хотел бы вернуться к существу нашей встречи и сказать о понятийном аппарате нашей беседы. Здесь прозвучала эта дихотомия «Восток-Запад» с таким утверждением, что судьба России — это западное направление. С моей точки зрения, и Восток-Запад, и Север-Юг — это понятия конфронтационные, и они несут в себе большой заряд, я наде-

юсь, уже заканчивающейся холодной войны. И нам нужно рассматривать взгляд России «на» и взгляд на Россию с точки зрения XXI века — с точки зрения построения постиндустриального информационного общества, и с точки зрения тех, кто уже достаточно близок к этому обществу и строю. Это и есть суть того, куда нам двигаться. А Восток-Запад — ну, посмотрите, Япония. «Тойота» признана лучшим автомобилем в Германии. «Мерседес» оказался хуже. Давайте откажемся от этих понятий в предметной части дискуссии.

Второй момент, на который я хотел обратить ваше внимание — это некоторое структурирование имогологии. Как создается имидж? Алексей Дмитриевич Воскресенский сказал, что страны, которые заботятся об этом, активно создают свой имидж и имидж других стран. И для этого есть специальные органы. Масс-медиа создают образы стран и нашей страны — мы были империей зла. Работают специальные фонды. Скажем, «Japan Foundation». В Австралии построили прекрасный институт японоведения только для того, чтобы нести знания о Японии — те, которые нужны Японии. Нам они дают и в ИМЭМО, и в Институт Дальнего Востока хорошие деньги для того, чтобы мы писали хорошие книги о хорошей Японии. То же самое делает корейский фонд. Мы же ничего такого не делаем. Может быть, только сейчас наш Никитский клуб чем-то займется в этом плане.

Второй уровень наиболее тревожный сегодня — это уровень охлосов, когда сегодня впервые в истории нашей страны такое количество русских преодолело границы своей исторической Родины. Одни оказались за границей поневоле, те 25–26 миллионов в СНГ, а другие выезжают за границу в качестве туристов, бизнесменов. Вот и на Конгресс философов приехала толпа самых разных философов из России. По ним и судят, что такое Россия. У нас с Китаем некоторое время культурный контакт осуществлялся на уровне: «Лев Толстой и некоторые пред-

ставители китайской интеллигенции». Затем целая плеяда советских писателей. И все это было замечательно, нашу культуру любят, ценят. Так, юбилей Пушкина отмечали в Китае гораздо шире, чем в России. Там его юбилей провели на государственном уровне и были исполнены по-китайски все произведения Пушкина. По всему Китаю исполнялись музыкальные произведения, написанные на его сюжеты.

Сегодня, когда появились миллионы челноков, по которым судят о нас, эта проблема выпала из поля зрения наших власть предержащих, и нашей интеллигенции.

Сегодня мы на этом уровне контактов. Мне приходилось наблюдать огромные массы этой полукриминальной публики, а часто чисто криминальной, по которой судят о России. Это и в Турции, и в Египте, и там где есть этот бизнес — это кошмарный образ России. Что с этим делать, у меня рецептов нет. Но об этом надо думать и какие-то рекомендации выносить.

С.П. Капица

Я хочу поблагодарить академика Мясникова, крупного историка. По-моему, то, что Вы сказали, исключительно важно.

Вопрос из зала

Мы уже сказали, что действительно знаем, как делается имидж, и приводили некоторые примеры, как это реализовано в политике, в исполнительной власти в разных странах и т.д. Но мы так и не дали себе ответ, есть ли у нас какое-то внутреннее моральное право на это? Зная технологии, эффект использования, имея представление, как этим можно пользоваться, мы все равно не пользуемся?

В.С. Мясников

Я думаю, это вопрос уже не ко мне, а к представителям власти. С моей точки зрения, если вы являетесь руководителем страны, вы должны отвечать за все. У нас за эту часть последние 10 лет никто не отвечал. Считалось, что все идет само по себе. Если говорить об имидже, то простите, этот ирландский визит Ельцина, он для нашего имиджа сделал больше, чем все челноки, которые пьяные ходят по Харбину и другим китайским городам. Когда вы, русские, даже на уровне вашего президента не умеете себя вести — это элемент государственной политики. Как только у нас будет государственная политика, будет и это.

Вопрос из зала

Извините, тогда непонятно, почему в 1989 году Ельцин — я был тогда в Америке — в августе проделал то, что вообще никто никогда не делает, и тем не менее, это не существовало для публичных СМИ США и всего мира?

В.С. Мясников

Это вопрос к ним, почему они его извинили. Все было записано на пленку и, вообще-то, показано.

С.П. Капица

У нас есть еще желающие выступить? Пожалуйста!

А.В. Коротков

Если кто-то хочет найти того, кто отвечает за все это, прошу обращаться ко мне. Я одновременно «Будка гласности» и «Прожектор перестройки».

Мне было интересно участвовать в сегодняшней дискуссии, я узнал много полезного. Есть за что критиковать власть, есть за что нас упрекать. Я четыре года работаю чиновником. Раньше был журналистом, занимался, в том числе, и пропагандой, потому что начинал при советской власти и работал в ТАСС, работал за рубежом. Потом я выполнял заказы зарубежных корреспондентов, которые приезжали в Россию и не хотели ничего знать о России, кроме того, что делается на Тверской, и о ночных рейдах задержания преступников. И до сих пор очень многие ничего не хотят знать. Мне тоже знакомы разные стороны и аспекты этой проблемы.

Но вот, что мы можем сделать сейчас, и что мы уже начали делать. Мы должны заполнить информационный вакуум. Ведь 96% обращения нашего населения к властям — это всего-навсего вопросы о том, где можно получить инструкцию о праве на получение очереди где-нибудь в московской телефонной сети. А последняя инструкция такого рода была издана в 1979 году. И, обратившись раз, два, ушибившись об этих чиновников, которые, может быть, и хотели бы помочь, но они тоже этой инструкции не имеют, люди опускают руки и не видят понимания со стороны власти. С точки зрения современных информационных технологий, этот вакуум легко заполняем.

Давайте будем работать через Интернет, хотя Интернет — это еще будущее для России, и у нас в 100 раз меньше пользуются им, чем в США. Но мы предоставим хотя бы возможность найти эту информацию. Правда, здесь возникает вопрос, какая часть информации должна быть бесплатной, какая платной. Не информация, а услуга по предоставлению этой информации.

Я только что вернулся из поездки с М. Касьяновым в Вашингтон, где в разговоре с нашими американскими партнерами мы выяснили очень простые вещи: у них нет доступа к некоторой открытой информации. Выяснили в Интернете, что последнее обновление информации, например, в Удмуртии происходило в 1983 г. и в основном базируется на том, что в свое время собрали советологи. Почему бы нам не поработать на этом поле? Мы уже начали создавать правительственно-информационный, горизонтальный пока, портал. Мы связываем министерства и ведомства, и 99% общедоступной информации представляем в удобном для пользователя виде. Это один путь заполнения информационного вакуума.

Другой аспект, который мне кажется важным. Здесь несколько раз прозвучало слово «пропаганда». Мы стесняемся этого слова. Мы перестали его употреблять, мы каждый раз опускаем глаза, когда его произ-

носим. В западном мире так не принято. Там не пользуются такой терминологией, но это делают. Технология пропаганды манипулятивна и подробно описана в наших учебниках. Нас заваливает ворох информации, которой невозможно воспользоваться, это просто информационный шум, а не информация. Нас дробят на куски, и получается та самая фрагментарность. Ускоряется сам процесс предоставления информации, человек не успевает осмыслить, что делается на том ли ином этапе, что стоит за конкретным событием. Что мы можем этому противопоставить? Я думаю, что мы должны вести пропаганду того, что мы делаем на внутреннем и внешнем информационном поле, заменив слово «пропаганда» на какое-то другое.

Я недавно был в Ираке. В Багдадском университете, где до сих пор есть отделение русского языка, я разговаривал с деканом филологического факультета. Он сказал: «Боже мой, мы в последний раз получали учебники русского языка в 1979 году, а у нас до сих пор разговаривают по-русски 10000 человек. Почему вы не хотите этим воспользоваться? Я не обращаюсь к вам, как к правительству, властям, потому что я понимаю ваше сложное положение, но объясните тем, кто в этом заинтересован». В библиотеке факультета лежат книги Пушкина и Толстого на английском языке. Это государства, которые находятся в состоянии войны, но находят способы, как через язык, через культуру, через программное обеспечение компьютеров, через обучающие программы проводить свое влияние в своем регионе. Наши люди, которые пытаются найти пути к установлению взаимоотношений с Ираком в будущем, не хотят тратить смешно по сегодняшним временам деньги для того, чтобы привезти туда книги, компьютерные программы. Очень хотелось бы, чтобы материалы, которые вы собираетесь публиковать, были доступны не только узкому кругу профессионалов, но были бы опубликованы, может быть, в виде сборников, брошюр, или на сайтах, которые стали бы еще одной площадкой для обсуждения.

С.П. Капица

Мы подходим к концу нашего обсуждения. Я предоставляю слово Автономову Владимиру Сергеевичу, Энтову Револьду Михайловичу. Естественно, по очереди. Пожалуйста.

В. С. Автономов

В восприятии России иностранцами (не только элитой, но и просвещенным средним классом) неизменно встречается один «лейтмотив»: противоречие между высокими достижениями в области «культуры» (литература, музыка, театр, авангардная живопись начала XX века, естественные науки и соответствующее образование) и удручающе низким уровнем «цивилизации» (бюрократизм, взятки, «ненавязчивый» сервис, плохие дороги, грязь, грубость). Как одно сочетается с другим — едва

Клуб

Никитский

Фото Л. Панкратовой

В.С. Автономов и Р.М. Энтов

ли не главная загадка, которую наша страна ставит перед всем остальным миром.

Я думаю, что на поверхностном уровне эта загадка не относится к числу решаемых. Но дело меняется, если мы попробуем заглянуть в суть вещей и задаться вопросом, что стоит за всеми проявлениями российской нецивилизованности. Мне кажется, что их общим знаменателем можно считать глубокое *неуважение к отдельному человеку*, ничтожащего эту ничтожность и, соответственно, не уважающего ни себя, ни других членов общества.

Если перейти на научные категории, то такая ситуация характеризуется слабостью, если не полным отсутствием двух взаимосвязанных элементов: *гражданского общества и правового государства*. Говоря о гражданском обществе, мы имеем в виду элементы самоорганизации общества, которые оказывают давление на государство и не дают ему безнаказанно нарушать права граждан. Говоря о правовом государстве, мы имеем в виду порядок, при котором все граждане, в том числе начальники, равны перед законом. Речь идет не о наличии существующих на бумаге общественных организаций или формальных правил, на которые в обществе не принято обращать внимание. Имеются в виду реально действующие институты, о существовании которых знают люди (как, на-

пример, каждый американец убежден, что, отдавая государству налоги, он имеет право на внимательное и уважительное к себе отношение).

Именно этих элементов цивилизации (они же — общественные ценности), гражданского общества и правового государства так остро не хватает России.

Что же касается высокого развития культуры и особенно литературы (наша культура в огромной степени литературо-центрична), то объяснить его можно, прежде всего тем, что при отсутствии гражданского общества и правового государства литература взвалила на себя ответственность за справедливость и нравственность в обществе. В этом и состоит разгадка великой российской загадки. Но одно дело разгадать ее в теории, и совсем другое — разрешить соответствующую проблему на практике. В любом случае надо помнить, что приобрести вышеупомянутые цивилизационные ценности трудно. Значительно легче потерять великую культуру.

Р.М. Энтов

Мы говорили о восприятии России и много лет обсуждали восприятие России в немного агрессивной интонации пропагандистской, идеологической, слегка иронизируя над их непониманием России. Это все справедливо, но все-таки, может быть, имеет смысл задуматься о вос-

приятию чужой страны, как о зеркале. Зеркале — не всегда адекватном, иногда искривленном, но очень важном. Когда мы говорили о том, как российские писатели воспринимают Германию от Герцена до Салтыкова-Щедрина, мы точно понимали, что русские в Германии видели нехватку того, чего, видимо, действительно не хватает немцам. Но мы наотрез отказывались видеть в чужом восприятии России то, чего не видит Россия сама. Об этом тоже стоит подумать, как о каком-то зеркале, куда имеет смысл заглядывать.

С.П. Капица

Вспомним маркиза де Кюстина и Карамзина, которые затрагивали эту тему с разных сторон.

А.В. Захаров

Позвольте несколько слов в заключение! Наш круглый стол был посвящен вопросу восприятия России за рубежом. В завершение мы должны ответить на вопрос: а что дальше? На какую проблему мы вышли? На проблему формирования образа России. Для чего это нужно? Сегодня об этом много говорилось с различных точек зрения — и деловой, и интеллектуальной, и философской, и международных отношений.

Если продолжить аналогию с Римским клубом, то можно вспомнить, что существует такая форма: «доклад Римскому клубу» (об этом сегодня уже говорил Сергей Петрович). Может быть, в продолжение нынешней дискуссии (кроме того, что материалы ее будут опубликованы) следовало бы подумать о докладе на эту тему. Я не готов дать формулировку, но доклад может быть назван: «Формирование позитивного образа России».

С.П. Капица

Я думаю, мы предложим Александру Владимировичу Захарову... *друж- ный смех...* к следующему заседанию нашего клуба инициировать проект написания доклада нашему сообществу: «О восприятии России за рубежом». Он может быть основан на той дискуссии, которая сегодня была. После этого я позволю себе в нескольких словах подытожить некоторые позиции, на которые мы обратили внимание.

Сегодня мы говорили о факторе культуры в политике. Эта проблема, несомненно, сейчас существует, потому что военными путями многие проблемы мы решить никогда не сможем, — это все хорошо знают, начиная с ядерного столкновения великих держав и кончая такими печальными инцидентами, как Чечня.

Второе. Мы говорили о самосознании России. Нам необходимо осознать собственные ценности, выработать их. Почему так произошло — это очень сложный вопрос и более глобальная проблема. Все страны стоят сейчас перед необходимостью пересмотра системы ценностей,

которые работали в прошлом веке, но никак не будут работать в нынешнем. Я думаю, что это обернулось какой-то серьезной проблемой, и здесь мы можем себя озадачить.

Последнее, о чем мне хотелось бы сказать: сегодня мы совсем не затронули очень важную часть проблемы — вопрос о роли и месте СМИ. Мы говорили об образовании, научных кадрах, бизнесе. Но СМИ, которые являются как раз мощным средством той самой пропаганды и влияния на общественное сознание — отдельная колоссальная проблема, о чем мы сегодня практически не говорили. Это некоторый недостаток нашей дискуссии.

Одна из главных проблем затронутой нами темы — это проблема самосознания, самоуважения. Я напомню об одном английском выражении, которое услышал еще в детстве: «My country — right or wrong!» («Моя страна — права она или нет!»). Этот принцип, который воспитывается в англичанах буквально с младенчества, отражает ту простую суть, что во внешних отношениях должна быть какая-то солидарность. Пожалуй, я на этом закончу.

Если кто-нибудь не успел выступить, просим передать нам тексты или тезисы своих выступлений для публикации. Еще раз хочу поблагодарить всех.

ЖК

Письменные тексты докладов участников Круглого стола

Делягин Михаил Геннадьевич,
директор Института проблем глобализации

Имидж России за рубежом нуждается в кардинальном и решительном улучшении (Тезисы)

1. В условиях информационной революции имидж страны — одна из важнейших компонент национальной конкурентоспособности. Поэтому, пока мы являемся патриотами своей страны и частью национального бизнеса, улучшение ее имиджа является столь же естественным направлением деятельности, как и улучшение собственного имиджа. Между репутацией страны и ее граждан нет четкой границы.

2. Современный имидж России ужасен. Его динамику убедительно иллюстрирует триада «*sputnik — perestroika — mochi' v sortire*».

Россия воспринимается как страна криминального и государственного насилия, погруженная в перманентный хаос и деградацию. По мере отставания все больше расширяется культурно-психологический разрыв с развитыми странами: мы говорим «на разных языках», наши системы ценностей и мировоззрение все больше отходят друг от друга.

3. Исправление имиджа состоит из двух одинаково важных видов работы: улучшение страны и улучшение ее репутации. Полагать, что оздоровление общества само по себе исправит его имидж, так же наивно, как и считать, что проблема может быть решена чисто пропагандистскими мерами (хотя бы потому, что дискредитация противника стала важнейшим инструментом конкурентной борьбы, и оздоровления страны могут просто «не заметить», если она не будет громко заявлять о себе).

4. Улучшение имиджа России вызвано голодом мировых СМИ на «хорошие новости» из России и поиском новых объектов вложений капитала (усилившимся в ожидании коррекции или даже краха фондового рынка США).

Однако надеяться на государство не приходится: вероятность того, что оно останется недееспособным, слишком велика.

В связи с этим представляется целесообразным **создать Национальный информационный комитет** (по аналогии с, например, Национальным антикоррупционным комитетом) — **общественную организацию**, которая будет заниматься:

- поиском и распространением в России и в мире объективной информации о России;

ЖК Клуб

Никитский

М.Г. Деягин

Фото Л. Панкратовой

- укреплением правильного понимания России в развитых странах при помощи разъяснения объективных причин тех или иных шагов российского руководства и бизнеса, объективной обусловленности тех или иных недостатков России и ее политики;

- формированием в обществе атмосферы нетерпимости к любым попыткам бизнесменов и политиков решать свои текущие проблемы способами, ухудшающими имидж страны.

Прежде всего, эти меры должны осуществляться в интересах российского бизнеса, дискредитация которого в результате последних скандалов весьма сильно мешает ему.

Национальный информационный комитет (можно придумать ему и «говорящее название» — например, «Национальная инициатива за правдивую информацию о России») должен включать в себя заинтересованных бизнесменов (спонсоров), политиков и чиновников (обеспечивающих административную поддержку), редакторов популярных СМИ и авторитетных журналистов, как российских, так и зарубежных.

В следующем выпуске цикла публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Глобальные проблемы демографического перехода и Россия

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте»
Выпуск 1
Восприятие современной России за рубежом
ISBN 5-8341-0016-3

Книга знакомит читателей с мнениями участников круглого стола Никитского клуба о восприятии России за рубежом. Известно, что последнее время в мире сложилось далеко не лучшее представление о России. Зарубежные СМИ, формируя определенное общественное мнение, предпочитают подавать в основном негативную информацию о России. Это не может не отразиться на деловых и внешнеполитических связях страны. В чём причина сложившейся ситуации? Насколько это совпадает с частным мнением иностранцев, близко знакомых с Россией? На эти вопросы пытались ответить участники круглого стола — известные ученые, практики, имеющие опыт работы с иностранными партнерами как за рубежом, так и на родине. В книге дана также информация о Никитском клубе — об идее его создания, целях, задачах.

УДК 304.4
ББК 87.60

Никитский клуб

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»
Выпуск 1
Восприятие современной России за рубежом

Редактор выпуска Д.А. Мурзин
Редактор И.Ж. Житловская
Вёрстка М.Ю. Иванюшин

Изд. лиц. № 071731 от 17.09.1998. Подписано в печать 12.01.2001.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Гарамон».
Усл.-печ. л. 2,3. Печ. л. 2. Заказ 00442. Тираж 1000.
Отпечатано в ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа»
103009 Москва, Большой Кисловский переулок, 13